

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Ежемесячный журнал

№ 6 (30)

июнь 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	3	Артем Мальгин	
АКТУАЛЬНО		СНГ: Инерция разбега	
Юрий Лужков		заканчивается	51
Мы и Запад	5	Георгий Мирский	
ПОВЕСТКА ДНЯ		Два вызова	
Леонид Рейман		на Ближнем Востоке	54
Локомотив		Владимир Давыдов	
экономического роста	13	Латинская Америка:	
Мнения	25	угроза левого поворота	58
Шамиль Султанов		Аполлон Давидсон	
Игорь Юргенс		Завтра заговорим об Африке?	60
Дмитрий Орлов		Мнения	62
Михаил Деягин		Алексей Малащенко	
Петр Шелищ		Александр Игнатенко	
Валентин Запевалов		Георгий Арбатов	
Александр Аринин		Виталий Бушуев	
Сергей Колмаков		Николай Шмелев	
ГЛАВНАЯ ТЕМА:		ДИСКУССИЯ	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ		Николай Слонов	
ДЛЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ		Когда Россия — не Европа?	69
БЕЗОПАСНОСТИ		ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	
Леонид Григорьев		Вячеслав Андреев	
Дешевой нефти не будет	35	Политика и эстетика	80
Нодари Симония		Густав Шпет	
Тектонические сдвиги рынка	40	Прообраз искусства	82
Тогрул Багиров		ДЕРЖАВА	
Из конкурентов —		Ирина Тимашева	
в партнеры	43	Руками трогать обязательно	89
Вячеслав Никонов		КРУГ ЧТЕНИЯ	
Российские риски	46	Андрей Папушин	
		Записки политолога	93

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомолов В.Н.
Владиславлев А.П.
(*сопредседатель редсовета*)

Грызлов В.В.
Егоров В.К.
Жуков А.Д.
(*сопредседатель редсовета*)

Казаков А.И.
Косачев К.И.
Кутафин О.Е.
Лазуткин В.В.
Лужков Ю.М.
Медведев Н.Я.
Некипелов А.Д.
(*сопредседатель редсовета*)

Никонов В.А.
Пивоваров Ю.С.
Плигин В.Н.
Пушков А.К.
Рагимов Э.Г.
Судаков В.В.
Торкунов А.В.
Третьяков В.Т.

Никонов В.А.
(*главный редактор*)

Биккенин Н.Б.
Быков М.Ю.
(*шеф-редактор*)
Григорьев Л.М.
Гринберг Р.С.
Дынкин А.А.
Коптелова Н.В.
Кувалдин В.Б.
Михайлов Н.В.
Нехотин В.В.
Папушин А.В.
Сухнев В.Ю.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации
Регистрационный номер ПИ № 77-17017

Адрес редакции: 119285, Москва, Мосфильмовская ул., 40
Телефон / факс: (495) 981-56-88 • E-mail: sr@fondedin.ru
Электронная версия журнала – на сайте <http://sr.fondedin.ru/>

Слово главного редактора

Не люблю заниматься самоцитированием, но иногда оно уместно. Двенадцать лет назад принимался Закон о выборах в Государственную Думу, и депутат Вячеслав Никонов, добросовестно относившийся к своим обязанностям, откликнулся большой статьей в «Независимой газете» (14 декабря 1994 года), где, в частности, писал: «Малоосмысленным представляется введение в избирательных бюллетенях графы «против всех». Если ты против всех — и кандидатов, и партий — не голосуй. Еще более бессмысленно связывать результаты выборов с волеизъявлением тех, кто «против всех»... Уверен, графа «против всех» хорошей службы российской демократии не сослужит».

Поэтому нетрудно представить то чувство удовлетворения, которое автор испытал, узнав о решении большинства депутатов Государственной Думы отменить голосование «против всех». И тем большим было мое недоумение от реакции на эту инициативу со стороны либеральной прессы и общественности, объявивших ее чуть ли не как «злостное покушение на демократические завоевания», коль скоро граждане якобы «лишаются права выражать недовольство властью».

Полагаю, здесь какое-то недоразумение.

Начнем с того, что если бы графа «против всех» была демократической или сколько-нибудь полезной, ее можно было бы найти в бюллетенях в развитых демократических странах. Однако нигде (за исключением небольшого количества новых постсоветских и посткоммунистических государств) такой нормы нет. И понятно почему. Справедливо считается, что недовольство властью с помощью избирательной процедуры можно и нужно выражать либо неголосованием, либо голосованием за оппозицию. Это общепризнанно. Но дело далеко не только в этом.

Главные требования к хорошему законодательству о выборах — оно должно предусматривать понятную процедуру, позволяющую быстро выявить победителей и сформировать парламент, отразив действительное волеизъявление, предоставив полноценное представительство большинству с учетом мнения меньшинства избирателей. Графа «против всех» этому мешает.

Она может позволить абсолютному меньшинству надолго лишать большинство вообще какого-либо парламентского представительства, выступая инструментом «сноса» выборов. Как известно, если «против всех» голосует больше граждан, чем за победителя, результаты волеизъявления признают-

ся недействительными. Эта ситуация далеко не гипотетическая, она уже много раз случалась на региональных и местных выборах.

Пример. В избирательной кампании участвуют 10 кандидатов, за которых в общей сложности подано подавляющее большинство — 80 процентов голосов. Победитель получает 19,9 процента, «против всех» — 20, и округ по воле меньшинства не имеет никакого представительства. В другом примере заменим кандидатов на партии, соревнующиеся по пропорциональной системе, оставив результаты выборов теми же. Десять партий, за которые голосовали 80 процентов избирателей, имеют нулевое количество депутатских мест из-за позиции 20 процентов. Так меньшинство может торпедировать и реально торпедирует мнение большинства. Власть, в свою очередь, даже не имея на выборах никакого шанса, способна поставить преграду на пути избрания популярного оппозиционного политика или партии, бросив административный ресурс на поддержку голосования «против всех».

Внесение в законодательство о выборах нормы, позволяющей «убивать» выборы или искажать результаты голосования, ничего общего с демократией не имеет.

Кроме того, «против всех» на самом деле оказывается направленной в первую очередь против партий, особенно малых, особенно при пропорциональной системе, где им надо преодолевать определенный процентный барьер. Голосование «против всех» просто обкрадывает партии, снижая процент поданных за каждую из них голосов. Главными пострадавшими от этой графы неизменно были политические силы, наиболее близко подбиравшиеся к заветному барьеру. Так, если бы в 2003 году голосования «против всех» не было, в Государственную Думу с запасом прошли бы и «Яблоко», и Союз правых сил. То есть эта графа наказала как раз либералов. Если не отменить, будет и дальше наказывать, поскольку либералы продолжают балансировать на грани проходного процента, который к тому же на думских выборах 2007 года вырастет до семи.

Любой социологический анализ подскажет, что голоса «против всех» — это во многом голоса оппозиции, а не партии власти (если она сама их не «накачивает»). Ведь люди протестуют именно против власти.

В связи с этим возмущение оппозиционеров инициативой отмены довольно недемократичной, ненужной и невыгодной им самим нормы доводами здравого смысла объяснить крайне затруднительно. Похоже, любая задумка, в происхождении которой подразумевается Кремль, обречена на отторжение и обвинения в навязывании авторитарных принципов.

Но, что бы ни говорили «демократы», отказ от графы «против всех» будет успехом российской демократии, а не наоборот.

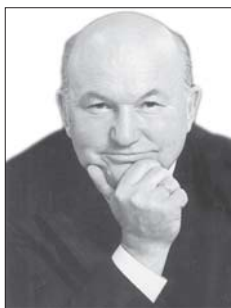
Вячеслав НИКОНОВ

МЫ И ЗАПАД

Юрий ЛУЖКОВ

Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на «прутики», переломать эти прутьики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленивать Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязывание и тем погубить ее.

Иван ИЛЬИН

Отношения России и Запада сегодня точнее всего характеризуются одним словом — недоумение. Это недоумение взаимно, однако его первопричина коренится в той шумной растерянности и суетливом беспокойстве, которые столь явно прослеживаются в последнее время в реакции стран Запада на происходящее в России. За этой нервной реакцией стоит еще и вековая история. Несмотря на несомненную принадлежность Рос-

сии к европейским нациям, несмотря на ее развитие не только в контексте, но и в постоянном соучастии европейской истории и культуре, Европа («мать» современной западной цивилизации) традиционно испытывала к нашей стране смесь тяготения и страха.

Оба эти европейских чувства проистекают не только из завораживающего хоть на карте, хоть в действительности «географического» ощущения соседства с обширной, необъятной и суровой территорией России. Из подобного пространственного ощущения вырастает иногда смутное, а порой и вполне отчетливое понимание того, что «мы рядом и мы вместе, но мы не есть одно и то же».

Без малого полтора столетия назад выдающийся философ и историк Николай Данилевский совершенно точно описал эту проблему. Видя перед

ЛУЖКОВ Юрий Михайлович,

мэр Москвы, сопредседатель Высшего совета политической партии «Единая Россия», член попечительского совета Фонда «Единство во имя России», член редакционного совета журнала «Стратегия России»

собой Россию, Европа «...инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью».

Вот с этими «силой и притязанием» России быть независимой и самобытной, а также с невозможностью «растолочь и растворить» этот российский суверенитет, никак и не может примириться Запад. Поэтому, как писал тот же Данилевский, Россия не перестает постоянно выслушивать одни и те же обвинения в том, что она имперское, «завоевательное государство», да к тому же представляет собой «мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе».

Надо сказать, что с тех пор ничего не изменилось. Сегодня по-прежнему «отовсюду мы слышим стоны». Здесь — и глубокомысленные размышления о настигшем Запад кризисе в отношениях с Россией. И дипломатичная «озабоченность» планами России по развитию и укреплению собственной экономики. И призывы защитить мир от энергетической экспансии русских, подминающих под себя соседей с оранжевым отливом. И удрученные стенания об авторитарном русском медведе, не понимающем и топчущем демократию. И совсем уж эмоциональные вскрики о российских имперских амбициях с призывами соорудить вокруг нашей страны новый санитарный кордон и какой-нибудь новый занавес.

На этом фоне филиппики в адрес России вернуться «на путь прогресса и демократии» методом проведения гей-парадов в центре Москвы, — да еще и на священной для каждого гражданина нашей страны могиле Неизвестного солдата, — эти призывы выглядят уже не иначе как отчаянная, но от того не менее безумная истерика.

Понятно, что весь этот накал страстей и поток сознания в исполнении Запада вызывает, в свою очередь, недоумение уже у нашей страны. По меньшей мере, России хотелось бы обсуждать наши взаимные вопросы и общие проблемы, с одной стороны, без умолчаний и обтекаемых фраз, а с другой — без домыслов и двойных стандартов. Желательно также — без нафталиновых стереотипов политиков-динозавров фултонской эры и вильнюсского периода. Иначе теряется самое главное — возможность честного, партнерского диалога между нашими странами.

«РОССИЯ ВНОВЬ ОБРЕТАЕТ СИЛУ»

В начале мая руководитель российско-евразийской программы Центра Карнеги Эндрю Качинс в своей статье в *The Wall Street Journal* наконец дал возможность Западу признать, в чем действительно дело. Согласно его справедливому выводу, суть ситуации, с которой США и, возможно, многим другим силам в этом мире сложно смириться, заключается в том, что Россия вернулась на политическую арену. Вновь обрела силу после двух десятилетий упадка. Вернулась в игру после взятого ею болезненного геополитического тайм-аута и тяжелых травм распада Советского Союза.

Ровно это и произошло. Не больше и не меньше. Нет никакой новой «империи зла». Нет никакого «авторитарного монстра». Есть Россия, которая вновь осознает свои национальные интересы и готова их защищать. Не лучше, но и не хуже, чем те же США, европейские державы, другие страны мира.

Возможно, кому-то это трудно осознать, но это необходимо сделать. Просто для того, чтобы проводить реалистичную политику, адекватно оценивать ситуацию, строить нормальные и партнерские отношения с нашей страной. Это действительно лучше, чем пытаться махать «оранжевыми флажками» и выдумывать магические заклинания с целью отбросить Россию назад. Или прикрывать проклятиями в адрес Кремля собственное нежелание признавать реальность.

Реальность же, к сожалению, заключается в том, что именно Запад крайне тяжело, неохотно и, главное, все еще далеко не полностью избавился от собственных комплексов по отношению к России.

Отношение к нашей стране продолжает причудливым образом колебаться между боязнью и восторгом. Так, страх перед большевиками, «мировой революцией» и СССР сменился восторгом по поводу «перестройки вплоть до разрушения» конца 1980-х, а затем — анархии государственного безвременья и готовности России заложить саму себя за похвалу «мирового сообщества» в 1990-е годы. Восторг усугублялся практически бесплатным в условиях российского хаоса доступом Запада к нашим национальным ресурсам.

Нет ничего удивительного, что соответствующая эйфория повлекла на Западе болезненную «ломку», как только Россия начала приходить в себя. И вот уже снова «на коне» взявшие было отпуск советологи, истосковавшиеся по возможности оживить страхи западных обывателей перед «дремучей Россией» и освоить десяток-другой грантов на спекуляциях вокруг «возрождения советского Франкенштейна» и наступления «конца времен», которые якобы тут же и случатся, как только российское государство еще немного окрепнет.

В общем, недостатка в грозных пророчествах Запад сейчас не испытывает. Качели эмоций Запада никак не замедлятся где-то посередине — там, где есть твердая почва под ногами и возможность взглянуть, наконец, на Россию спокойно и реально.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ

У этой ситуации есть еще одна фундаментальная причина. Распад СССР, нарушение баланса сил двух мировых систем, определявших развитие мира на протяжении почти всего XX века, породили для Запада опасное ощущение завершения эволюции всемирной цивилизации, достигнутого исторического и геополитического сверхмогущества.

Провозглашенная доктрина «конца истории» утверждала, что западный мир, его ценности, экономическая структура и построенная на их основе политическая система — есть наивысшее достижение цивилизации. Остальные страны и системы так или иначе в рамках процесса глобализации будут

втягиваться в подобную логику «догоняющего» по отношению к Западу развития и следовать за ним.

Будущее человечества должно было превратиться в механический процесс перемалывания стран, народов и культур, где не все дойдут, дотянутся до «зияющих высот» цивилизации современного западного общества. Такая «невыносимая легкость бытия» позволяла Западу не учитывать остальной мир и, одновременно, порождала «глобальный эгоизм» западной цивилизации — право вмешательства в любую ситуацию в любой точке Земли на основании «гуманитарных» соображений и ценностей прогресса.

В результате в последние полтора десятилетия мы стали свидетелями впечатляющих и одновременно удручающих попыток стран Запада, и прежде всего США, проводить силовую демократизацию отдельных стран и даже регионов планеты, возлагая на себя миссию «продвижения демократии в мире». Когда-то тем же самым занимался Советский Союз, пытаясь перетасовать некоторые страны из феодализма или даже родоплеменного строя прямо в коммунизм.

Однако ноша «внешнего управления государствами и народами» при уничтожении понятия «национального суверенитета» может оказаться неподъемной. Не нужно забывать и о том, что сегодня в мире существуют политические силы, которые способны использовать процесс глобальной демократизации в совершенно ином и прямо противоположном плане. Провозглашая волю сильного решать, кто прав, а кто виноват, Запад попадает в ловушку. Потому что ничто не помешает представителям «всемирного террористического подполья» также решить, что они выше нас и на этом основании присвоить себе право распоряжаться нашей жизнью, нашей судьбой.

Сегодня уже очевидно, что попытка «закрыть историю» оказалась не более чем иллюзией. После трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке автор той самой концепции «конца истории» Фрэнсис Фукуяма писал, что Соединенные Штаты станут теперь другой страной. Эта страна будет более единой, менее эгоцентричной и в гораздо большей степени нуждающейся в помощи друзей. А главное, по мнению Фукуямы, Америке предстоит стать в гораздо большей степени «обыкновенной страной — страной с более конкретными интересами и своими слабыми местами, а не державой, полагающей, что может единолично определять, каким быть миру, в котором она существует».

Представляется, что вывод этот сегодня как никогда актуален не только применительно к США, но и ко всему западному миру. В свое время президент США Рональд Рейган призывал СССР стать «нормальной страной». Сегодня Россия, несомненно, таковой является. Аналогичная процедура «возвращения с небес на землю» необходима и Западу.

В возвращении же России в мировую политику, усилении и укреплении российского государства западному миру следовало бы видеть не угрозу, но, напротив, важную опору безопасности и собственного возвращения к нормальной жизни. Нормальной жизни в том самом «сложном, взаимозависимом и меняющемся» мире.

ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН

К сожалению, на Западе по-прежнему преобладают подозрения в «опасности», которую представляют процессы, происходящие в нашей стране. Российскую политику продолжают анализировать на основе тех самых вековых стереотипов, представлений о том, что для России якобы характерны «авторитаризм», «имперскость», «экспансия».

На самом деле вся эта ситуация имеет точный диагноз, поставленный еще Конфуцием: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться...». В отношениях России и Запада на данный момент как раз и необходимо подобное «исправление имен», отказ от неправильного понимания слов и смысла событий.

Поговорим о демократии. Тут весь сонм советологов, подобно старой артиллерийской лошади, услышавшей зов полковой трубы, начинает бить копытом на тему «похорон демократии в России». Однако дело обстоит совершенно иначе.

Процессы демократизации в России отличаются своей спецификой. Эта специфика в том, что демократические процессы последних 15 лет в нашей стране практически не имеют аналогов в ее истории. Все новое — всегда тяжело в освоении, чревато ошибками и необходимостью их исправления. Ровно этим исправлением Россия сегодня и занимается. Потому что десятилетнее плавание «без руля и ветрил» в 1990-е годы привело российскую нацию к пониманию необходимости более осмотрительного движения в будущее, необходимости разумного консерватизма, осторожности в дальнейших преобразованиях. России нужна была политика увязывания между собой традиционных ценностей, без которых общество перестанет существовать, с демократией, без которой общество не сможет развиваться. Именно такая политика и проводится в России сегодня.

Хочется еще спросить, а где она не проводится? Не будет же кто-либо все-рез утверждать, что существует некий единый «штамповочный» стандарт демократии и один-единственный на весь мир «конвейер» по ее сборке (хотя, возможно, кому-то и хотелось бы, чтобы так было). Любая страна стремится к оптимальному сочетанию ценностей своей истории и культуры с институциональными механизмами демократии. Аналогично в мире существует не одна-единственная модель автомобиля на все времена, и люди ездят на том, что им удобнее и нужнее — от малолитражек до внедорожников. И модели эти значительно отличаются друг от друга — как «Тойота», «Мерседес» или заокеанский «Форд».

Стоит также напомнить, что в России процессы политического развития до недавнего времени сопровождались ослаблением и «полураспадом» государства, вплоть до превращения его в орудие воровства, инструмент манипуляций и циничных интриг в руках отдельных групп и даже личностей. Такая олигархическая «демократия» в любом случае может и должна быть названа слабой. Если ко всем этим «семибанкирщинам», медиа-терроризму и залоговым хищениям вообще применимо понятие демократии.

И то, что мы имеем сейчас в России — это процесс «исправления» той самой неотличимой от олигархической анархии «дефективной демократии». Поэтому, это ничто иное, как процесс усиления демократии. Пусть сложно, но развития институтов демократии, укоренения демократических традиций в обществе. Иногда этот процесс идет долго, иногда болезненно. Подчас мы учимся на примерах «от противного». Но это, несомненно, процесс строительства сильного демократического государства. Которое может и должно быть достойным и равноправным членом мирового сообщества суверенных демократий.

ДРУГИЕ ПРАВИЛА ДРУГОЙ ИГРЫ

В существующих опасениях относительно «имперских устремлений» России в еще большей степени проявляется прозябание в прошлом многочисленных «советологов». Иногда кажется, что Запад продолжает мыслить категориями противостояния СССР и США. Несмотря на то, что «холодная война» завершилась, в головах многих западных политиков и экспертов продолжает присутствовать мысль о том, что «боксерский поединок» продолжается. Завершен, так сказать, только первый раунд, а впереди еще долгий обмен ударами.

На самом деле «бокс» закончился, и мы уже давно играем в другую игру. Может быть, это шахматы, и тогда стоит напомнить нашим оппонентам, что приличные игроки не пытаются переворачивать шахматную доску в сложной позиции и уж тем более не подменяют незаметно фигуры. Или, может быть, современная история вообще требует нашей игры вместе, в одной футбольной команде. И тогда нам тем более нужны сыгранность, чувство партнера, умение понимать друг друга с полуслова.

Однако именно из-за «боксерских стереотипов» прошлого до сих пор там, где должны звучать понятия «национальные интересы» и «сотрудничество», звучат слова об имперских амбициях и противостоянии. И снова кто-то бьет в набат «холодной войны» по поводу повышения обороноспособности России. Хотя очевидно, что Россия должна и имеет право противостоять чужой политике, когда та угрожает интересам России и ее граждан, национальному суверенитету, целостности и стабильности государства. Точно так же, лучше многих других стран понимая опасности экстремизма, терроризма и сепаратизма в современном мире, Россия является активным членом и участником международной антитеррористической коалиции.

Повышение обороноспособности является абсолютно нормальной демонстрацией всем силам в мире (включая теневые и террористические) того, что Россия — не проходной двор для их далеко не вегетарианских позывов типичного волчьего поведения. А также того, что Россия готова сотрудничать с другими странами в обеспечении стабильности мирового порядка. Ровно то же самое делают все остальные страны мира, которые не собираются покончить жизнь самоубийством.

Еще большее недоумение вызывают упреки в экспансионизме России, будь то сотрудничество нашей страны с соседями или развитие энергетики.

Мне уже приходилось писать, что XXI век — это период формирования крупных «геополитических материков», новых надгосударственных политико-экономических систем, глобальных общих рынков, культурных и информационных «ареалов влияния». В этом мире способность не выпасть из общего потока развития определяется наличием у государства или группы государств собственного глобального интеграционного проекта, позволяющего развиваться и укреплять свои позиции. В том числе перед лицом таких новых явлений мирового масштаба, как международный терроризм или возникновение целой инфраструктуры институтов и механизмов «внешнего управления» развитием тех или иных стран.

При этом, несмотря на принадлежность к европейской цивилизации, простое присоединение России к европейскому интеграционному проекту Евросоюза объективно невозможно. Такой эксперимент, скорее всего, плохо закончился бы для обеих сторон — в результате невозможности «переварить» весь комплекс политических, экономических, социокультурных, да и собственно геополитических проблем, которые при этом бы возникли.

Поэтому в современном мире Россия объективно должна интегрировать вокруг себя и своего проекта будущего часть мира, прежде всего постсоветское пространство и «мир соотечественников». «Глобальное одиночество» сегодня выжить не позволяет.

Что касается экономики, то оставим даже в стороне то, что Россию 15 лет учили жить по рыночным законам, а теперь на Западе досадуют, что она оказалась хорошим учеником. Главное заключается в том, что Россия действительно претендует на более справедливое участие в глобализации и в мировой экономике.

Энергетические ресурсы России объективно являются ее конкурентным преимуществом. Но Россия не говорит о том, что просто будет эти преимущества использовать. Нет, Россия, напротив, говорит о том, что готова сотрудничать и вкладывать эти ресурсы в обеспечение энергетической и, более широко, экономической безопасности всего мира. Естественно, что одновременно наша страна рассчитывает на предоставление ей равных и справедливых возможностей участия и сотрудничества в других глобальных экономических процессах.

Иначе говоря, Россия не хочет быть сырьевым придатком Запада, но хочет участвовать своими ресурсами и своими возможностями в создании более справедливых правил игры в мире, обеспечении его развития и устойчивости. От того, что эти инициативы России подвергаются сомнению, реальность не меняется. Если Запад боится такого сотрудничества или отворачивается от него, то это лишь усиливает восточное направление в экономических приоритетах России.

В ТРЕЗВОМ УМЕ И ТВЕРДОЙ ПАМЯТИ

В заключение необходимо сказать, что вопрос понимания процессов, происходящих в России, — это, в том числе, и вопрос доброй воли Запада.

Умения западных политологов и политиков посмотреть на происходящее под новым углом.

Оценка процессов развития России позволяет говорить, что стакан наполовину полон, а не наполовину пуст. Ложные подозрения по поводу развития России, ее целей и интересов способны только расплескать воду в стакане, а вовсе не наполнить его.

За последние 15 лет в России произошли революционные преобразования, возникла совершенно новая реальность. Сегодня период революции завершен, новая Россия «встает на ноги». Демократический путь развития России не подвергается сомнению. Представления о том, что «усиление государства» в России несет в себе опасность, являются беспочвенными. Подход, когда в России стремятся видеть только врага и ничего больше, — не соответствует современным реалиям и лишь мешает нашему общему движению в будущее.

Всякий разумный человек не может не признавать, что Россия — ведущая держава евроазиатского пространства, обладающая значительной возможностью глобального влияния на мировую систему, в первую очередь за счет наличия ядерного и институционального факторов. Потенциал России позволяет ей также стать одним из полюсов мировой экономики.

Уникальность российского положения заключается в наличии огромного ресурсного, в том числе энергетического, потенциала, что характерно в основном для стран глобального Юга, в сочетании с гуманитарным, промышленным, военно-стратегическим потенциалом, а главное — культурой и историческим опытом, присущими Западной цивилизации. Россия объективно становится мостом между разными мировыми цивилизациями. И ее участие в мировом политическом процессе способно стать залогом глобальной стабильности.

Естественно, в отношениях России и Запада многое действительно нужно менять. Нужно действительно уйти от наследия прошлого, избавиться от замызганных трафаретов «холодной войны», перестать рассматривать отношения почти исключительно через призму потенциалов сдерживания и необоснованных подозрений. Это в корне неверно. Необходимо существенно расширить свои знания друг о друге и сферы сотрудничества, сместить акценты в сферу экономики, диалога между общественными институтами.

Главный вывод заключается в том, что России и Западу жизненно необходимо сделать свои отношения более сложными. Сложными в том смысле, что они должны стать многограннее и полноценнее. И Россия, и Запад достойны именно таких отношений.

«Российская газета», 15 июня 2006

29 мая 2006 года Фонд «Единство во имя России» и журнал «Стратегия России» провели «круглый стол» на тему «Телекоммуникационная отрасль и российская модернизация». С докладом выступил министр информационных технологий и связи РФ Леонид Рейман. Он также ответил на многочисленные вопросы участников «круглого стола». Ситуацию в отрасли обсудили депутаты Государственной Думы РФ, руководители научных учреждений и эксперты.

ЛОКОМОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Информационные технологии
повышают качество жизни

Леонид РЕЙМАН

Наша отрасль начинала с достаточно низкой стартовой отметки. В конце 1990-х уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в России был не только весьма скромным — по некоторым показателям мы отставали даже от многих стран СНГ. Между тем, как убеждает мировой опыт, именно ИКТ представляют собой ключевой фактор развития современной экономики и всех сфер современной жизни. Они позволяют значительно повысить эффективность труда, улучшить качество услуг и обеспечить новый уровень государственного управления в целом.

За последние годы были предприняты большие усилия для того, чтобы довести развитие ИКТ в стране до должного уровня. Именно благодаря этим усилиям Россия сегодня стала мировым лидером по темпам развития отрасли. В этом отношении мы можем сравниться даже с Китаем с его огромным населением и огромными сетями.

*РЕЙМАН Леонид Дододжонович,
министр информационных технологий и связи РФ*

Темпы развития отрасли значительно превосходят средние темпы развития российской экономики, и к 2006 году объем ИКТ превысил триллион рублей. Это важное и знаковое событие. Как следствие, доля отрасли в структуре ВВП существенно увеличилась и на конец прошлого года достигла порогового значения в 5 процентов.

Это означает, что наша отрасль уже становится мощным локомотивом экономического роста. Согласно программе социально-экономического развития Российской Федерации, вклад ИКТ в общий рост экономики страны (0,5 процента) станет сопоставимым со вкладом от нефтедобычи (0,6 процента).

Решение задач дальнейшего развития отрасли принадлежит к числу приоритетов деятельности правительства. Можно выделить несколько тесно связанных между собой направлений.

Одна из ключевых задач — поддержка развития конкурентоспособного отечественного производства в сфере ИКТ с выводом его на мировой уровень. На февральском заседании Президиума Госсовета в Нижнем Новгороде президент страны сказал, что существует традиционный путь развития, связанный с экспортом сырья, нефти, газа, и Россия является очень сильным игроком в этом секторе. Но стране необходим и новый, альтернативный, параллельный — как угодно называйте — путь развития, основанный на использовании инноваций. Это путь к инновационной экономике, построенной на знаниях. Тем самым роль ИКТ для развития в этом направлении и снижения сырьевой зависимости страны исключительно велика.

Большое внимание уделяется обеспечению населения и организаций на всей территории России современными и доступными информационно-коммуникационными услугами. С этой целью прилагаются значительные усилия по развитию национальной инфраструктуры связи. Нужно отметить, что рост наблюдается во всех сегментах связи и телекоммуникаций. Это и традиционная фиксированная связь, и связь мобильная. Похоже, количество мобильных телефонов уже вплотную приблизилось к количеству жителей России, а в крупных городах, в Москве и Петербурге уже существенно превосходит количество их жителей.

Необходимы развитие не только Интернета, но и перевод на новые цифровые технологии теле- и радиовещания, и модернизация такого традиционного института, как почта. Известна так называемая «проблема последней мили» («last mile»), то есть оптимальной организации взаимодействия сети и ее непосредственного абонента. А в модели «электронного государства» это взаимодействие происходит именно в почтовом отделении.

В 2005 году Россия приступила к реализации мер, нацеленных на ликвидацию пресловутого цифрового разрыва. Цифровой разрыв — многоаспектное понятие, но для России он в первую очередь выражается в неравных условиях и возможностях получения информации и использования услуг ИКТ для людей, проживающих на разных территориях. Если в Москве обеспеченность мобильной и фиксированной телефонной связью, Интернетом и дру-

гими услугами соответствует, а иногда и превосходит уровень европейских государств, то в 40 тысячах из 150 тысяч населенных пунктов России нет никакой связи вообще.

Именно поэтому в Законе «О связи» впервые был введен принцип универсального обслуживания. Такой механизм хорошо зарекомендовал себя во всех странах мира, и с его помощью мы пытаемся решить проблему информационной изолированности населенных пунктов и нашего населения. Механизм универсального обслуживания предполагает предоставление населению по всей территории страны гарантированного государством набора минимально необходимых услуг связи.

С его помощью мы рассчитываем обеспечить к 2008 году 100-процентную телефонизацию всех населенных пунктов. Имеется в виду установка таксофонов даже в самых мелких населенных пунктах и создание точек коллективного доступа в Интернет в тех населенных пунктах, где проживает 500 человек и более. И мы уверены, что справимся с такой задачей. Во всяком случае, для этого созданы все предпосылки — уже удалось разработать и принять практически все необходимые постановления правительства в развитие Закона «О связи».

Один из наиболее динамично развивающихся сегментов отрасли — это производство и продажа IT-продукции. Основной рост здесь приходится на продажу программных продуктов, разработку программного обеспечения и системную интеграцию. В этих сегментах мирового рынка доля российских компаний весьма значительна, и они успешно конкурируют со своими зарубежными коллегами. По мере перемещения основного производства комплектующих изделий в Азию и снижения стоимости оборудования основная конкуренция на мировом IT-рынке сосредотачивается в области производства программных продуктов.

Стремительный рост продаж таких продуктов и услуг свидетельствует о наличии у российских компаний огромного потенциала, задействовать который возможно и необходимо. По оценкам аналитиков, к 2010 году объем мирового рынка услуг разработки программного обеспечения достигнет примерно 140 миллиардов долларов США. Имеющиеся у России потенциал развития этой сферы, интеллектуальные ресурсы, опыт разработок, наличие успешных компаний дают нашей стране хороший шанс занять на мировом IT-рынке достойное место.

Однако чтобы обеспечить лидирующую роль российской IT-отрасли, необходима государственная поддержка. Экспорт программного обеспечения и информационных услуг мы рассматриваем в качестве одного из источников увеличения доходной базы государственного бюджета и инвестиций в развитие нашей IT-отрасли.

В 2005 году началась реализация комплексной программы стимулирования развития отрасли информационных технологий и вывода ее продукции на мировой рынок. Собственно, нужно говорить даже уже не о выводе, а о расширении участия этой отрасли в мировом разделении труда. Предло-

женные нами меры по стимулированию рынка впервые были рассмотрены в начале 2005 года на совещании в Новосибирске под председательством президента страны, обсуждались они и на заседании Госсовета в Нижнем Новгороде.

Эти меры заключаются в реализации известного проекта создания технопарков, во введении специального предпринимательского режима для компаний-экспортеров программного обеспечения, в формировании системы венчурного финансирования IT-отрасли. По всем этим направлениям уже идет практическая работа.

Не так давно, в марте, правительством была утверждена государственная программа развития технопарков в сфере высоких технологий. Основная функция технопарков — это формирование инфраструктуры для развития российских предприятий, в том числе в сфере IT. Финансировать создание технопарков предполагается из трех источников: частично из федерального госбюджета, частично — из бюджетов региональных, причем губернаторы уже активно включились в эту работу, и частично — за счет средств привлекаемых инвесторов. Мы рассчитываем на эффективную реализацию модели частно-государственного партнерства и уверены, что на эти проекты обратят внимание как российские, так и западные инвесторы. Мы готовы оказывать всю необходимую государственную поддержку созданию технопарков.

Особенно важно, что эти проекты решают не только экономические, но и социальные проблемы, а именно: дают нашим талантливым программистам возможность получать нормальные высокооплачиваемые рабочие места. Тем самым появляется шанс остановить тот отток интеллектуального потенциала из страны, который стал большой проблемой в 1990-х годах и по-прежнему дает о себе знать.

Одновременно с созданием инфраструктуры ведется работа по внесению изменений в Налоговый кодекс с целью введения специального режима предпринимательской деятельности российских IT-компаний, которые имеют большой экспертный потенциал. Соответствующий законопроект уже прошел первое чтение в Государственной Думе. Его суть — в замене единым налогом существующий налог на прибыль, налог на имущество и ЕСН. Это примерно та же модель, что используется сегодня при упрощенном налогообложении малых предприятий.

Различие в том, что в действующем законодательстве критерием служит размер предприятия, а в наших предложениях — тот вид деятельности, которым занимается компания. И если это именно разработка IT-продукции, то такие компании смогут получить соответствующие льготы по налогообложению.

Комплекс мер по стимулированию развития отечественного IT-производства включает также создание механизма обеспечения предприятий отрасли инвестиционными ресурсами. Как показывает мировая практика, наиболее эффективный путь решения такой задачи состоит в создании специализированных венчурных фондов. Сегодня нашим министерством уже разра-

ботан и внесен в правительство пакет документов по созданию «Российского инвестиционного фонда информационно-коммуникационных технологий».

Этот пакет получил согласование практически во всех заинтересованных ведомствах, включая Министерство финансов. И мы надеемся, что в ближайшее время эти документы будут приняты правительством.

Активная государственная политика поддержки ИТ-производства уже привела к тому, что в 2005 году в России развернулся процесс открытия зарубежными компаниями новых центров по разработке программного обеспечения и их укрупнения. Среди этих компаний — такие производители с мировыми именами, как «Интел», «IBM», «Siemens» и другие.

Это означает создание новых рабочих мест, новые инвестиции в российскую экономику, а также возможность для российских компаний эффективно перенимать зарубежный управленческий опыт, — пожалуй, единственный вид опыта, которого им пока недостает.

Решается не только проблема «утечки мозгов», о чем я уже сказал. В России создаются крупные инновационные центры, тем самым и страна в целом становится крупной и заметной зоной мировой инновационной активности.

Растет интерес иностранных заказчиков и к российским компаниям — разработчикам программного обеспечения. В 2005 году объем экспорта программного обеспечения достиг миллиарда долларов, рост по сравнению с предыдущим 2004 годом — более 30 процентов. И это еще одно свидетельство значительного экспортного потенциала российской ИТ-отрасли.

Наряду с поддержкой развития отрасли наше министерство реализует также целый комплекс мер, направленных на стимулирование и использование информационно-коммуникационных технологий в социально-экономической сфере.

Здесь наши основные усилия сосредоточены на трех направлениях.

Во-первых, это дальнейшая информатизация бюджетных учреждений образования, здравоохранения и т.д. с акцентом на выравнивание уровней развития ИКТ в этой сфере. За последнее время нам, благодаря совместным усилиям с Министерством образования и науки, удалось добиться значительных результатов в проекте развития образования в России. В рамках этого проекта предусматривается обеспечить 100-процентное подключение школ к Интернету, причем по выделенному каналу со скоростью не менее 128 Кбит/с.

Предполагается создание современных кабинетов информатики в тех школах, где еще нет компьютерных классов, по принципу: для городских школ — 13 рабочих мест для учеников и одно для учителя, для сельских — 6 рабочих мест для учеников и одно для учителя.

Во-вторых, это создание эффективной системы «электронного правительства». Фактически это означает интеграцию ведомств в единое целое на основе информационно-коммуникационных технологий, без которых невозможно обеспечить связность управления на территории такой большой страны, как Россия, и предоставление государственных услуг по принципу «од-

ного окна». Главное направление работы здесь — это создание общей инфраструктуры для среды «электронного правительства», включая центры управления доступом к данным государственно-информационных систем и типовым решениям.

В-третьих, это устранение «цифрового неравенства» на основе развития инфраструктуры связи. В ближайшее время необходимо сконцентрироваться на устранении инфраструктурных диспропорций в сфере связи. От успешного решения этой задачи и формирования современной ИКТ-инфраструктуры на всей территории страны напрямую зависит возможность реализации планов развития экономики и социальной сферы России. Как я уже говорил, у нас есть возможность добиться этого в достаточно короткий срок — к 2008 году.

Реализация намеченных мер позволит существенно улучшить ситуацию с доступностью для населения современных ИКТ, обеспечить на основе их применения модернизацию в социальной сфере, модернизацию государственного управления и в целом стимулировать развитие конкурентоспособности нашей страны и ее экономики.

К 2010 году реализация всех этих мер государственной политики позволит обеспечить повышение плотности телефонной сети в полтора раза. Мы увеличим обеспеченность компьютерами на 100 человек населения с 10 до 43, а долю пользователей Интернета — с 15 до 45 процентов населения. Доля ИКТ в структуре ВВП возрастет с 5 до 10 процентов, а доля занятых в отрасли — с 1,8 до 5 процентов. Мы также добьемся роста доли ИКТ в структуре экспорта Российской Федерации до 4 процентов.

Задача нашего министерства — создать условия, которые позволили бы максимально эффективно реализовать потенциал информационно-коммуникационных технологий для решения задач развития страны, использовать наш потенциал для выхода России на самые передовые мировые позиции в этой сфере.

ОТВЕТЫ Л. Д. РЕЙМАНА НА ВОПРОСЫ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА

— Быстрое развитие отрасли во многом связано с тем, что на этом рынке сложились хорошие правила игры. И здесь есть заслуга государства. Но сейчас появились некоторые признаки болезни роста. Бизнес начал чаще, чем раньше, сталкиваться локтями. Захват киргизского «Битела», связываемый — не знаю, насколько справедливо — с консорциумом «Альфа-Групп», когда наши рейдерские технологии изумили даже киргизов, ко многому привыкших в ходе своей революции. Столкновение «Telenor» с той же «Альфой», когда норвежцев в итоге объявили чуть ли не «крышей» для вражеских разведок...

Стремится ли министерство участвовать в урегулировании подобных внут-

риотраслевых межкорпоративных конфликтов? По крайней мере, в случаях, когда конфликты начинают создавать проблемы уже не только для самих корпораций, но и для репутации российского бизнеса в целом?

— Не думаю, что наше министерство должно брать на себя роль арбитра в такого рода корпоративных спорах. Скорее это задача для силового блока.

Министерство же должно анализировать причины возникновения подобных конфликтов и вносить в систему регулирования изменения, необходимые для того, чтобы компании не сталкивались локтями, а гармонично развивали бы отрасль в целом. Подобная работа важна, и министерством она ведется. За последнее время было принято значительное количество соответствующих нормативных актов. Мы и в дальнейшем будем стремиться совершенствовать регулирование в отрасли таким образом, чтобы сохранялись самые благоприятные условия для ее развития. При обязательном диалоге со всеми компаниями и опираясь на их мнение.

— Распределение радиочастотного спектра под гражданские и военные нужды в России заметно отличается от того, что мы видим в развитых странах. В то же время простое лобовое перераспределение явно вошло бы в конфликт с необходимостью обеспечения национальной безопасности. Вы видите пути решения такой проблемы?

— Конечно, проблема есть. Но объединение всех наших программ в какую-то одну большую универсальную представляется не очень эффективным. Если есть проблема, мы стремимся решать ее адресно, конкретно. Может быть, это небесспорный принцип, но в последнее время мы стараемся работать именно так.

Пример с распределением радиочастотного спектра — удачный. Сегодня значительная его часть представляет собой так называемый спектр совместного использования. Но с национальной безопасностью это связано мало, поскольку существует еще одна часть спектра, которая называется «для правительственного использования» и покрывает все потребности специальных служб и силового блока.

Тем более, что технологии постоянно развиваются и требования любой новой технологии к эфиру гораздо более экономны, чем у технологии предыдущей. Возьмем, например, цифровое телевидение: на базе одного аналогового телеканала уже сегодня могли бы вещать 12 цифровых каналов, а если мы перейдем на формат кодирования MPEG-4, то и больше 20 каналов. Налицо феномен: с одной стороны, радиочастотный спектр, несомненно, представляет собой ограниченный ресурс, с другой стороны, пределов у него нет, поскольку совершенствование технологий сильно расширяет возможности использования этого сектора.

Как бы то ни было, для решения проблемы гармонизации распределения радиочастотного спектра еще в 2004 году была создана и успешно реализует-

ся программа конверсии радиочастотного спектра. В рамках этой программы в 2005 году на конверсию было выделено 30 миллионов рублей, а в 2006 году — 1,12 миллиарда. Эти средства направляются именно на переоснащение воинских частей и организаций силового блока. И за счет такой конверсии высвобождаются сегменты радиочастотного спектра, перспективные с точки зрения развития новых технологий в ближайшем будущем.

В качестве другого примера я привел бы опять же универсальное обслуживание как инструмент решения проблемы цифрового неравенства. Как показывает мировой опыт, это наиболее эффективный путь. Финляндия с его помощью обеспечивает сегодня широкополосный доступ в Интернет с пропускной способностью 11 мегабит в секунду для каждой семьи. В Канаде инструмент универсального обслуживания позволил принести связь, телевидение во все населенные пункты. А по условиям и специфике проблемы это очень похожая на Россию страна с суровым климатом, 20 процентов населения которой проживает на 80 процентах территории.

Работу на этом направлении мы только начали. Тем не менее, наша задача — не просто дать денег на строительство связи. Наша задача — создать такой механизм, чтобы в малонаселенные регионы пошел бизнес, чтобы компании, которые занимаются развитием и созданием инфраструктуры и предоставлением услуг, почувствовали бы экономический интерес заниматься развитием именно в подобных регионах.

2006-й — лишь первый год реализации этого механизма, пока мы учимся, как наиболее правильно двигаться к поставленной цели, и конечно, будем вносить коррективы по мере того, как станет накапливаться опыт. Проблемы есть и еще будут, возможно — как раз такие, каких мы сегодня и не видим. И мы продолжим широко обсуждать их с компаниями-операторами, с экспертами и т.д. Но, разрабатывая сегодня программы и формулируя приоритеты, мы ориентируемся на конкретные сроки, о которых я уже сказал.

— Сейчас обсуждается законопроект об иностранных инвестициях в стратегические отрасли экономики. Это давняя и очень сложная проблема. Нет ли опасности расширительного толкования, когда помимо очевидных ограничений, связанных с шифровальными устройствами и специальной связью, окажется закрытым для внешних инвестиций весь телекоммуникационный сектор?

— Есть такая опасность. Но хотел бы подчеркнуть: моя позиция и позиция моих коллег по министерству всегда состояла в том, что никаких ограничений по прямым инвестициям в отрасль быть не должно. Ни к чему хорошему такие ограничения не приведут. Нам вполне достаточно существующих законодательных рычагов лицензирования и особых оговорок, сделанных для служб, занимающихся охраной государственного порядка и безопасности. Рычаги эти работают эффективно, и никаких дополнительных ужесточений не требуется.

Впервые дискуссия на эту тему развернулась в 2002—2003 годах, когда готовился Закон «О связи» и тогда иностранцы очень волновались. Они боялись, что в этом проявятся какие-либо ограничительные нормы. Но ничего подобного не произошло, напротив, в нашей отрасли сегодня абсолютно открытый либеральный рынок. Связь — пожалуй, наиболее либерализованная отрасль российской экономики. Из десяти с лишним тысяч предприятий всего три — государственные, не считая «Связьинвеста», контрольный пакет которого принадлежит государству. Но сегодня суммарная доля «Связьинвеста» на рынке российской связи — менее 50 процентов, а как акционерное общество, «Связьинвест» регулируется ровно теми же принципами и механизмами, что и все прочие компании.

— Кажется, самым слабым звеном отрасли сейчас является почта. Почтовые отправления доходят до адресатов крайне медленно. Во многие населенные пункты практически никогда не доставляются вовремя ежедневные газеты, отчего страдают их подписчики и издатели. Что можно сделать для решения этой проблемы в самое ближайшее время?

И смежный вопрос. Сейчас идет спор о том, кто лучше справится с поддержанием почтовых ящиков в порядке — федеральная почта, сообщество СМИ или самостоятельная фирма. Но никто не поднимает одного очень важного аспекта — проблемы безопасности. Кто возьмет на себя ответственность за то, чтобы в почтовом отправлении не было опасных вложений?

— Три года назад в Петербурге проходила очередная международная конференция «Почтовая тройка», на которую традиционно съезжаются почтовики со всего мира. И на этот раз к конференции была приурочена выставка изъятых запрещенных вложений. Вы бы это видели — чего там только нет, начиная от кнопок и бритвенных лезвий, способных порезать пальцы тому, кто отрывает письмо, кончая отравляющими веществами и разного рода взрывными устройствами. Изобретательности и большой фантазии в данном случае нет предела, и мы, конечно, обязаны защищать людей от подобного рода вложений.

Сегодня на всех ключевых сортировочных центрах действуют автоматические сканирующие устройства, типа рентгеновских аппаратов, и химические анализаторы, выявляющие различные виды взрывчатки, ядов, пачкающих порошков и т.д. Это позволяет обеспечивать безопасность подавляющей части почтового обмена. Самыми современными устройствами контроля и анализа вложений оснащаются и все строящиеся новые центры.

Дискуссия о том, кому должны принадлежать почтовые ящики, идет очень давно. Поскольку хозяина у почтовых ящиков фактически нет вообще, большинство из них пришло в малоприспособленное для работы состояние. Сама почта, кстати, никогда не настаивала на том, чтобы взять их на свой баланс. Эту идею выдвинул первый вице-премьер Дмитрий Медведев, когда 30 марта встре-

чался с редакторами печатных СМИ и обсуждал вопросы, связанные с доставкой периодики.

Мы ищем способы привести это хозяйство в порядок и модернизировать, на что потребуются огромные деньги. Для почты содержание почтовых ящиков — отнюдь не дополнительный способ заработать, а тяжелое бремя. Но здравый смысл в таком решении есть, поскольку появляется лицо, ответственное за состояние ящиков и за все, что там оказывается. А сегодня — с кого за это спросить? В России — 42 тысячи почтовых отделений, и наша основная задача привести эту важнейшую часть инфраструктуры страны в состояние, отвечающее современному уровню развития информационно-коммуникационных технологий. При этом потребуются не сокращать количество почтовых отделений, а, возможно, даже несколько его увеличить, но главное — обеспечить предоставление через эти почтовые отделения такого спектра услуг, который позволит повысить экономическую эффективность всей почтовой системы в целом.

Надо сказать, что в 1990-х годах, да и в начале XXI века, почта не пользовалась большим вниманием государства. И в этой системе происходили довольно странные процессы, в частности, некоторые почтовые отделения оказались приватизированными точно таким же образом, как, например, парикмахерские. Несколько субъектов Федерации национализировали «свои» части почты или объявляли об их акционировании, как недавно произошло в Татарстане.

Все это привело к тому, что пришлось заняться серьезнейшей работой по воссозданию единой структуры почты. Такая работа заняла примерно два с половиной года и практически завершилась сегодня созданием ФГУП «Почта России» с постановкой на его баланс всего наличного имущества почты.

Это оказалось исключительно тяжелой задачей — понятно, что предшествующие десять лет этим имуществом пользовались очень разные люди. Но мы ее решили, и на базе созданного государственного предприятия «Почта России» приступили к модернизации всей почтовой системы. Действует группа консультантов, которая разрабатывает проект такой модернизации во всех ее аспектах; от расширения спектра услуг до качественного обновления инфраструктуры.

Например, для улучшения скорости доставки почта запустила два самолета, которые перевозят отправления по территории России. Для ускорения сортировки писем и бандеролей уже начали строиться самые современные электронные сортировочные пункты в Москве (по итальянскому проекту) и в Петербурге (по проекту фирмы «Сименс»). По всей территории России будет создано порядка десяти таких пунктов.

К началу нынешнего года в почтовых отделениях страны действовало 10 тысяч пунктов коллективного доступа в Интернет, причем без учета Москвы и Петербурга. В регионах услугами этих пунктов воспользовались в 2005 году около 4 миллионов человек. В течение 2006 года планируется создать еще 10 тысяч пунктов коллективного доступа в Интернет. Это та самая основа «электронного государства», которая дает людям реальную

возможность получать информацию о деятельности власти. Далеко не каждый из наших соотечественников может позволить себе купить персональный компьютер и оплачивать доступ в Интернет из дома. Но люди охотно пользуются пунктами коллективного доступа, в том числе для нужд малого и среднего бизнеса.

Например, фермеры, в первую очередь Краснодарского и Ставропольского краев, приходят туда, чтобы узнать уровень закупочных цен. И когда к ним приезжают с предложением взять «по хорошей цене» молоко или мясо, фермеры могут возразить: «Нет, в соседнем районе цены другие».

— Вы рассказали об амбициозных, далеко идущих, вплоть до 2010 года, планах. Другие министры тоже рисуют много планов, но неизменно жалуются на то, что денег под такие планы нет. Как обстоят дела с финансами в Министерстве информационных технологий и связи? И каково процентное соотношение государственных средств и частного капитала?

— Начну с благодарности коллегам из «Единой России», которая всегда считала проблемы почтовой связи приоритетными, и когда в Государственной Думе поднимались вопросы о выделении дополнительных средств на развитие почты, всякий раз нас поддерживала.

Конечно, для развития почты или для той же конверсии радиочастотного спектра государственная поддержка необходима. Но мы в министерстве никогда не делали и не делаем главную ставку на бюджетные средства. Главное — создание условий для того, чтобы наша рыночная по своей сути отрасль и развивалась бы рыночными способами, за счет компаний, которые в отрасли работают. Нынешний ее рост именно этим и обусловлен.

В 2000 году, когда в правительство впервые была представлена концепция развития рынка телекоммуникационных услуг, предусматривавшая 33 миллиарда долларов инвестиций в течение 10 лет в телекоммуникационную инфраструктуру, практически все отнесли к этим цифрам скептически. Хотя правительство одобрило эту концепцию, нам говорили, что вкладывать в отрасль по 3 с лишним миллиарда в год невозможно.

Но могу вас уверить, что сегодня эта цифра не только достигнута — она превзойдена. В 2005 году российские и иностранные инвесторы вложили в отрасль почти 5 миллиардов долларов. Поскольку в 2001 году инвестиции составляли лишь около 1,3 миллиарда, то в среднем, в пересчете на год, планку в 3,3 миллиарда долларов мы уже превысили. Надеюсь, и дальше будем превышать. Именно за счет инвесторов отрасль и развивается, в этом — ее сильная сторона, и нужно эту сильную сторону поддерживать.

Конечно, источник этих средств — те деньги, которые потребители платят за предоставляемые услуги, нередко критикуя операторов связи за завышенные тарифы. Однако думаю, что постоянное улучшение качества предоставляемых услуг и развитие конкурентности продолжат оставлять все меньше поводов для такого недовольства.

— Сегодня мало говорили о такой подотрасли, как телерадиовещание. Недавно создана правительственная комиссия, которой, очевидно, предстоит разработать концепцию развития телерадиовещания. Какой видится эта концепция министерству?

— Переход на цифровое телевидение — исключительно важный вопрос. Напомню, что те принципы перехода на цветное телевидение, которые в свое время были заложены в план «Стокгольм-61» (ST61), фактически определили развитие всего телевидения более чем на 40 лет вперед. Столь же важна и концепция перехода на цифровое телевидение, поскольку она станет основополагающей на следующие 40—50 лет. Министерство и вся отрасль ведут работу в этом направлении уже четыре года. В 2005 году был завершен один из ее важных этапов — в Мордовии была запущена опытная система цифрового телевидения, охватывающая всю территорию республики.

Здесь мы пытаемся отработать подходы к развитию цифрового телевидения уже в масштабе всей страны. В первую очередь переход на цифровое телевидение позволяет существенно улучшить обеспеченность зрителей телевизионным контентом. Достаточно сказать, что до перехода на цифровое телевидение большинство (примерно 70 процентов) населения Мордовии могло смотреть максимум три, а иногда и две программы телевидения. Сегодня на всей территории республики 12 каналов телевидения.

И сразу же возникает следующая проблема — какие именно каналы войдут в состав социального пакета. Но это как раз вопрос уровня правительственной комиссии, а не нашего министерства. Наша задача — создать условия для распространения цифрового телесигнала и активизировать развитие цифрового телевидения, опираясь на самые перспективные технологии. Причем это откроет новые огромные возможности перед российской промышленностью. Массового производства цифровых телеприемников не дороже 200 долларов не развернул еще никто. Пока выпускаются лишь элитные модели, например приемник фирмы «Шарп» стоит 2 тысячи долларов. И у наших предприятий есть хороший шанс занять достойное место среди производителей цифровых телеприемников бытового класса.

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ СИЛОВИКИ?

Шамиль СУЛТАНОВ

*Член Комитета Государственной
Думы РФ по международным делам*

Есть такая шутка: у человечества сегодня пять врагов — два белых, два технических и один черный. Коснусь только технических врагов — это телефон и телевизор. Понятно, почему речь идет о телевизоре. Медицинские исследования показывают, что «дружба» с телевизором нарушает креативные способности человека. А телефон уничтожает радость живого общения.

Однако без телекоммуникаций современное общество жить не может. И эта отрасль становится лидером модернизации экономики России. Но с моей точки зрения, в отрасли есть неиспользованный потенциал.

Информационно-коммуникационная отрасль может более эффективно играть роль лидера модернизации, когда объединит креативные сообщества и креативные институты. Тут мы выходим на проблемы формирования и развития технопарков. Пока что технопарки у нас в стране — концептуальная красота.

Большое значение имеют специализированная информационно-поисковая система и специализированная управляющая поисковая система. Эти направления начали развиваться приблизительно полвека назад и сейчас успешно используются в тех же Соединенных Штатах. Само существование таких систем является предпосылкой развития концепции теории сетевых войн, различного рода организационного оружия, рефлексивных стратегий и сценарных моделей среднесрочного управления. В военных ведомствах США активно стимулируются разработки в области внешнеполитического прогнозирования и внешнеполитического моделирования.

Что может угрожать прогрессу в российских разработках такого плана? Не секрет, что мы сейчас находимся в срединной фазе нового передела собственности в нашей стране. И предыдущий опыт показывает, что переход от одного этапа к следующему сопровождается использованием все более грязных технологий, которые имеют мало отношения к конкуренции. С моей точки зрения, одна из ключевых проблем сегодня — вовлечение силовых структур в конкурентную борьбу, когда они начинают играть на одной из сторон и когда интересы национальной безопасности отходят для силовиков на задний план.

Мы в Государственной Думе уже делали запросы по поводу прорех в законодательстве, касающихся развития коммуникационной отрасли и взаимодействия ее с силовыми структурами. Однако силовики раздумывают, что

делать. Я предложил провести «круглый стол» на эту тему. Опять — отсрочка... Может быть, лучше собрать рабочую группу с привлечением специалистов из Министерства информационных технологий и связи, чтобы ускорить этот процесс?

НАШИ УЗКИЕ МЕСТА...

Игорь ЮРГЕНС

*Председатель правления Центра
развития информационного общества,
первый вице-президент
ИК «Ренессанс Капитал»*

Информационно-коммуникационные технологии развиваются очень высокими темпами — до 30 процентов в год. И только потому, что правильно организована среда — она конкурентна. Министерство не дало наложить лапу на отрасль тем людям, которые хотели бы сделать неконкурентную среду. А такие попытки продолжаются. Закон «О стратегических отраслях» отражает эту опасную тенденцию.

Некоторые акулы рынка надеются на захват отрасли. Антимонопольное законодательство слабо, а поползновения к монополии со стороны частного упорны. Пока отрасль справлялась с этими поползновениями, она развивалась высокими темпами, и будет развиваться, я надеюсь.

Второй важный вопрос — программа «Электронное правительство». Для ее запуска надо обмениваться базами данных нескольких ведомств и создать условия большей доступности. Проблема упирается в открытость нашего общества, совместимость его с мировыми тенденциями развития. Если мы переломим чиновничье желание ничего не объяснять общественности и введем это в формат «Электронного правительства», то сможем сделать общество более транспарентным.

Я видел материалы по Сингапуру. Там гражданин, набирая единственный номер и делая один звонок, может узнать все о своей власти: сколько правительство заказало оружия за границей, почему в парламенте голосовали так, а не иначе. Запросы гражданина с одного телефонного звонка передают по операторам, и никто не говорит, что «не знаю» или «знать не положено». А для нас подобное — не только технологическая проблема, но и проблема открытости общества, доступности власти для своих граждан.

Открытости может помочь общественное российское телевидение. Не первый канал, а настоящее общественное телевидение, контент которого контролировался бы обществом. Соответственно, нужна частота, нужно разрешение работать без цензуры. Хотелось бы, чтобы такое телевидение не зависело от олигархов и от государства. Уверен, что эксперты фонда «Единство во имя России» много интересного могли бы по такому телевидению рассказать.

В Центре развития информационного общества мы попробовали сделать сайт национальных проектов, чтобы не только начальство, но и все граждане знали, сколько потрачено на национальную программу в области образования, науки и так далее. Сайт блестящий, он замечательно работает. Значит, это технологически вполне возможно. Но в федеральном агентстве правительственной связи и информации (ФАПСИ) говорят: нельзя, не дадим, вы занимаетесь этим по линиям закрытой связи. Вот и все.

Так имеет общество право знать, как осуществляется национальная программа, сколько на нее тратят и насколько это выгодно гражданину? Вроде, такое право есть. А ФАПСИ считает, что нет. Выходит, менять надо политическую позицию, а не решать технологические проблемы.

Есть еще проблема кибернетической безопасности. Безусловно, запуск национальных сетей вызовет интерес спецслужб западных стран. Да и террористические структуры, овладев нашими базами данных, могут нанести очень большой ущерб. Но заниматься этим надо, исходя не из наших знаний проблемы, а хотя бы в рамках «восьмерки». Если мы займемся этим гласно, в рамках «восьмерки» и по понятным основаниям, то не будет подозрений, что этим пользуются в антигосударственных целях, скажем, западные разведки. Но будет понятно, что мы вместе занимаемся борьбой с кибертерроризмом как союзники. Заодно станет ясно, где узкие места в собственной безопасности.

К вопросу о технопарках. Мы договорились создавать их вместе с двумя крупными английскими университетами, Ворвиком и Кембриджем, привлечь лучших специалистов, лекторов, дать им соответствующее разрешение на работу в Российской Федерации, заинтересовать нашим налоговым режимом.

В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Дмитрий ОРЛОВ

*Генеральный директор Агентства
политических и экономических
коммуникаций*

Известны масштабы национальных проектов в России — это 138 миллиардов рублей, если говорить об объемах финансирования. А со средствами сопутствующих бюджетов и государственными гарантиями — 180 миллиардов. А для того, чтобы управлять, стандартизировать проекты, обеспечить нормальное взаимодействие в ходе их осуществления, как раз и востребованы информационные технологии.

С моей точки зрения, именно в реализации национальных проектов проявляется лидирующая роль отрасли в российской модернизации. Ясно, что

в каждом из национальных проектов необходимо и жесткое управление, и коммуникационное взаимодействие. Наконец, универсальная услуга связи сама по себе является глобальным инфраструктурным проектом, который вполне может претендовать на статус национального.

Исходя из логики последнего заседания Президиума Совета при президенте по реализации национальных проектов, как раз информационные технологии должны поддержать эти проекты. Те направления развития отрасли, которые мы наблюдаем, и решают проблемы национальных проектов, проблемы того, чтобы страна перешла на прогрессивные стандарты социального обслуживания.

Говорилось о подключении к Интернету школ, больниц, социальных учреждений к 2008 году. Это, безусловно, решает известную проблему социального проекта в этой сфере. Выделение из бюджета 600 миллионов долларов и 750 миллионов долларов на закупку оборудования ежегодно — как раз те средства, которые вполне в состоянии решить эту проблему. Тогда появится социальная карта гражданина, единая система учета, потребления коммунальных услуг и ресурсов, мониторинг состояния жилищно-коммунального хозяйства, информационно-маркетинговый центр аграрно-промышленного комплекса. Это даст национальным проектам современную информационную, технологическую и коммуникационную основу.

Уже говорилось о модернизации и цифровизации телевидения. Стоит заметить, что у нас половина населения располагает доступом всего к пяти телепрограммам. Недавно Всероссийский центр изучения общественного мнения провел большой опрос по этому поводу. Охватить телевизионным вещанием все население России — тоже национальный проект.

Кроме того, единая сеть, связывающая больницы и лаборатории, электронные истории болезни, мониторинг наличия лекарств, будут означать, что все проекты становятся из программных положений плотью и кровью экономики. А услуги и продукция технопарков к 2010 году могут принести до 100 миллиардов рублей.

Наконец, введение универсальной услуги связи — это глобальный структурный проект, который может претендовать на статус национального. Если, действительно, к 2008 году будет завершена телефонизация России, если Интернет появится во всех населенных пунктах с населением более 500 человек, то мобильность и модернизация станут реальностью.

С моей точки зрения, необходима системность и последовательность мероприятий в информационно-технологической и телекоммуникационной отрасли, в сфере реализации национальных проектов, в развитии связи и создании технопарков. Министерство является не просто регулятором и реальным инициатором процесса. Совершенно очевидно, что необходима координация усилий всех ведомств, финансовая, организационная и пиар-поддержка всех заявленных проектов и программ — одним словом, нужен комплексный подход. Именно тогда мы получим успех, значительное продвижение в реализации национальных проектов.

ПОЧТА — СИРОТА ОТРАСЛИ

Михаил ДЕЛЯГИН

*Научный руководитель Института
проблем глобализации*

В силу специфики и государственной политики в этой сфере телекоммуникационная отрасль является одной из наиболее растущих. Но видятся две очень серьезные проблемы.

Первая — неравномерность развития. С одной стороны — современные технологии, выходы на информационное общество, а с другой стороны — древняя почта. Наша российская почта описанию не поддается. Если вспомнить статистику, получается, что на один Интернет-пункт коллективного доступа в среднем приходит чуть больше одного человека в день. Это очень низкая интенсивность. Почта — классический пример естественной монополии, и, слава Богу, что не стали переводить ее целиком и полностью на рыночную основу. А такие попытки были несколько лет назад.

Здесь мы наблюдаем ту же ситуацию, что и в ЖКХ: тарифы растут, а других видимых изменений нет, хозяйство приходит в запустение. Даже внутри Москвы письма и бандероли ходят от недели до двух, и далеко не всегда доходят вообще. Почта — это такая сирота в сфере телекоммуникаций. Она живет совсем на других технологических основаниях. Ее судьба повторяет судьбу жилищно-коммунального хозяйства — и по степени разрухи, и по степени непроработанности главного вопроса: что с этим делать?

В Соединенных Штатах Америки нормальная семья основную часть контактов с окружающим миром осуществляет через почту. И у нас так же было в Советском Союзе. Теперь все потеряно.

Хотелось бы понять: это болезнь роста или результат объятий государства? Вопрос не случаен. В России всегда существовала болезнь роста — вообще болезнь расширения. А еще в экономике есть проблема вмешательства государства, и уж если оно вмешивается, то у всех только кости хрустят.

Отсюда — вторая проблема. Не лучше и ровно противоположная ситуация, когда государство уходит в сторону и говорит: я только создаю правила игры, а как вы будете по этим правилам друг другу ломать кости — ваши личные трудности. Недавний пример с конфискацией большой партии мобильных телефонов показывает, что у нас проявляется корпоративный беспредел. Никакой внятной реакции государства на это нет, потому что сама конфискация — элемент не государственной деятельности, а всяких бюрократических и коррупционных игр.

У нас есть отрасли, развитие которых тормозится произволом бюрократии. Не хочется, чтобы связь оказалась первой отраслью в России, развитию которой угрожал бы произвол транснациональных монополий с участием

российского капитала. Когда начинаются корпоративные и внутриотраслевые войны, это никак не способствует модернизации страны.

ОТВЕТ НА РЕАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Петр ШЕЛИЩ

*Заместитель председателя Комитета
Государственной Думы РФ
по гражданскому, уголовному,
арбитражному и процессуальному
законодательству*

Модернизация России — это не только обеспечение всеобщего доступа к каналам телекоммуникаций, но это еще и рост участия России на мировом рынке информационно-коммуникационных технологий. И здесь создание технопарков — направление правильное, но не единственно возможное.

Индийцы не с технопарков начинали, а с легализации оффшорного программирования. И мне непонятно, почему мы не принимаем до сих пор соответствующих решений, хотя разговоры об этом идут уже лет восемь. Министерству и правительству в целом стоило бы в этом направлении активнее поработать. Потому что технопарки — это физическая концентрация сил и средств. А что дает оффшорное программирование? В Индии в свое время подсчитали убытки бюджета от неполучения налогов с программистов, которые через Интернет работали по заказам американских и европейских компаний. Убытки составили около четырех миллиардов долларов в год. А когда легализовали оффшорное программирование и законодательно освободили от налогообложения, оказалось — за счет создания новых рабочих мест и оборота программного продукта бюджет в течение нескольких лет вышел на доходы в десять раз больше, чем терял раньше.

Впечатляющий рост телекоммуникационного рынка, его объемов осуществляется, практически, полностью за счет развития мобильной связи. Это ответ на реальную потребность: люди готовы платить, потому что этот вид связи им действительно нужен.

Я сейчас заседаю в так называемой конкурсной комиссии Федерального агентства по связи, которая подводит итоги конкурса по универсальным услугам. Конкурс этот по существу является аукционом, потому что оценка предложений идет по двум показателям. Первый — сколько запрашивает претендент за универсальную услугу, то есть установку таксофонов, телефонов-автоматов или обеспечение доступа к Интернету. Второй показатель — в течение какого срока он готов начать предоставление услуги, поскольку по правилам дается на это шесть месяцев. И что интересно, буквально все обещают уложиться именно в шесть месяцев. Поэтому итоги конкурса под-

водятся по одному показателю — по стоимости работ. И вот тут разброс предложений поразительный — больше, чем в сотню раз. Вот что такое аукцион и каков его эффект!

Вероятно, надо шире внедрять аукционную систему на рынке телекоммуникационных услуг — не только в праве оказывать сами услуги, но и в распределении ограниченных частотных и нумерационных ресурсов. Это был бы принципиально важный шаг, способствующий реальному развитию рынка.

И в заключение о цифровом телевидении. Конечно, прогресс не остановишь, будем переходить на цифровые технологии. Но я хотел бы напомнить, что по Закону «О защите прав потребителей» производитель любого товара обязан обеспечить возможность его использования в течение десяти лет. Я имею в виду телеприемники, которые сегодня работают на аналоговом стандарте. Люди, которые их покупают, должны быть уверены, что смогут не менее 10 лет пользоваться этими телеприемниками. А это означает, что им бесплатно придется выдавать декодеры. То есть включать декодеры в социальный пакет. Это позволит обеспечить равную возможность доступа потребителя к новым прогрессивным услугам информационно-коммуникационных технологий.

НЕ ЗАБЫВАТЬ ПРОВИНЦИЮ

Валентин ЗАПЕВАЛОВ

*Заместитель главного редактора
газеты «Гудок»*

Я тоже хочу поговорить о нашей многострадальной почте. Мне кажется, приобретение нескольких дополнительных самолетов, которые станут развозить письма и посылки, предоставление дополнительных услуг в почтовых отделениях недостаточно, чтобы проблему все-таки решить.

В Москве еще возможны какие-то новшества в организации почтового обслуживания, но если взять нашу российскую глубинку... Там, конечно, очень ждут, когда придет полная телефонизация и Интернет. Но, вспомним, кто живет в огромном количестве небольших населенных пунктов. Это люди уже довольно пожилого возраста, которым даже если приплачивать за компьютер, они им не будут пользоваться.

Значит, эту тему, мне кажется, нельзя оставлять на обочине. Ясно, что направление развития в сфере коммуникации у нас выбрано, и оно отвечает стратегическим задачам модернизации страны, но забывать об улучшении условий почтового обслуживания провинции ни в коем случае нельзя.

Как пример. В Эстонии, откуда я родом, поставили компьютеры и Интернет по всей республике, благо она не такая большая. Но при этом почта, как работала еще в советские времена очень неплохо и быстро, так и сейчас работает.

ОТКРЫТАЯ ВЛАСТЬ — ЭФФЕКТИВНАЯ СТРАНА

Александр АРИНИН

*Директор Института федерализма
и гражданского общества*

Решение обсуждаемой проблемы означает, будет ли страна развиваться по эффективному пути, станет ли она конкурентоспособной, или же по-прежнему мы будем использовать старые стереотипы и в мышлении политической элиты, и в экономическом развитии. Информационные технологии весьма актуальны для повышения эффективности, в первую очередь государственной власти. Не случайно в Доктрине информационной безопасности еще в 2000-м году эта тема впервые была поставлена в политическую повестку дня.

Затем в 2002 году президент озвучил тему информационной открытости органов государственной власти в своем Послании Федеральному Собранию. И повторил то же самое в Послании 2005-го года. Однако и доньше воз не сдвинулся с места, потому что решение политической элиты открыть в свободном режиме доступа всю информацию о деятельности органов государственной власти находится в стадии, мягко говоря, обсуждения. Хотя жизнь показывает, что в странах СНГ, в частности, в Казахстане, уже перешли к фундаментальному и широкомасштабному внедрению новых информационных технологий для подключения органов государственной власти к электронному общению с населением. А мы отстаем.

Когда же будет реализована программа «Электронное правительство»? Для этого, как считают многие, нужна воля политической элиты. Но уже сегодня на отдельных участках есть прорывы. Возьмем Высший арбитражный суд. Сегодня любой истец может обратиться туда с электронным запросом и получить соответствующую информацию о деле, которое его интересует.

Приняты законы об открытости органов государственной власти в девяти субъектах Российской Федерации. Это Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская области, Красноярский край, Еврейская автономная область и другие. Здесь уже сегодня есть свободный доступ граждан к информации о деятельности органов государственной власти. Но когда мы выходим на сайты этих органов и общественных организаций в перечисленных областях, то обнаруживаем ничтожное количество запросов. Оказывается, не во всех регионах, где действуют законы об открытости информации, граждане даже знают о них.

Социологические исследования в Калининградской и Новгородской областях показывают: общественные организации не принимают активного участия в общественном контроле, не получают необходимую инфор-

мацию. Почему? Потому что в самих законах не существует нормы ответственности органов власти, которые утаивают информацию. Не случайно в Санкт-Петербурге дело дошло до суда. Формально суд доказал право граждан на получение информации. Но фактически она до сих пор не предоставляется.

И что же делать? Нужно эффективно дорабатывать законы, которые приняты в субъектах Федерации в части создания действенных механизмов ответственности должностных лиц и органов государственной власти за непредставление информации. Надо принимать федеральный рамочный закон об открытости органов государственной власти.

В этом законе хорошо бы предусмотреть следующее.

Вся информация о деятельности государственных органов власти, в том числе и органов местного самоуправления, должна размещаться на соответствующих сайтах. Все решения, которые ими принимаются, вступают в силу только тогда, когда с ними можно ознакомиться на сайтах. Информация размещается бесплатно, что очень принципиально. И, наконец, информация должна находиться на сайтах постоянно, то есть столько, сколько существует тот или иной орган государственной власти.

Таким образом, задача — максимально актуализировать эту тему в политической элите, и тогда принятые меры по созданию соответствующих механизмов, в первую очередь законодательных и инвестиционных, помогут подступить к решению проблемы эффективного государства, эффективной страны и эффективного общества.

ПРЯЧАСЬ ЗА ГОСУДАРСТВО

Сергей КОЛМАКОВ

*Директор по политическим вопросам
компании PBN*

Очень важная проблема — иностранные инвестиции в стратегические сектора российской экономики, в том числе и в телекоммуникационный бизнес. Участвовать в развитии отрасли необходимо, конечно же, на нормальных конкурентных основаниях. Но, к сожалению, отдельные российские корпоративные структуры под патриотическими лозунгами используют некоторое обострение наших отношений с Западом, чтобы искусственно получить конкурентные преимущества. Это позволяет им, например, понижать тарифы на услуги мобильной связи и вытеснять с рынка еще вчера успешные компании. Причем здесь не обходится без скандалов вроде конфискации товаров или участия отдельных чиновников из спецслужб в дискредитации конкурентов, о чем напомнил Шамиль Султанов.

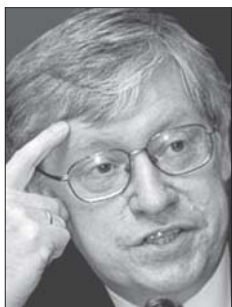
То есть делаются попытки использовать государственные структуры и патриотическую фразеологию как прикрытие для ведения конкурентной борьбы далеко не рыночными методами. А для правового обеспечения подобного делового нигилизма вносятся на рассмотрение и утверждение законопроекты, подобные Закону «О стратегических отраслях». Я лишь могу поддержать министра информационных технологий и связи, который заявил, что при обсуждении этого проекта позиция министерства будет твердой, принципиальной и обоснованной, чтобы телекоммуникационный бизнес не оказался в таких секторах экономики, где могут действовать неконкурентные законы.

11 мая 2006 года Комиссия по международному сотрудничеству и общественной дипломатии Общественной палаты РФ и Фонд «Единство во имя России» провели круглый стол на тему «Политические риски для энергетической безопасности. К повестке дня «Большой восьмерки». В обсуждении темы приняли участие руководители научных учреждений, ведущие специалисты энергетических отраслей и эксперты.

ДЕШЕВОЙ НЕФТИ НЕ БУДЕТ

В обновление отрасли не идут инвестиции

Леонид ГРИГОРЬЕВ

Спотовый рынок, который сложился к середине 1980-х годов, решал тяжелые проблемы взлета цен в 1974 и в 1982 годах. После обвала цен в 1986 году — в течение пятнадцати лет — средняя стоимость барреля нефти составляла примерно 19 долларов. И она падала до 8 долларов в августе 1998 года. Однако базисная долгосрочная цена, вокруг которой складывались все представления и ожидания, была в районе 19—20 долларов. Эти отметки легли в основу инвестиционных планов нефтедобывающих и перерабатывающих компаний.

Да, еще несколько лет назад цена за баррель в 19—20 долларов закладывалась по минимуму в прибыльность, и компании, как правило, просто не рассчитывали на большее. Сейчас мы понимаем, что за эти пятнадцать лет, на фоне всевозможных геополитических катаклизмов, было явно недостаточно капиталовложений в создание резервных мощностей и в добыче, и в переработке углеводородного сырья. Можно вспомнить, что в Соединенных Штатах с 1974 года вообще не строили предприятий нефтепереработки. Более того, и во всем мире они практически не строились.

ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович, президент Фонда «Институт энергетики и финансов», декан факультета менеджмента Международного университета (Москва), член Аналитического совета фонда «Единство во имя России», член редколлегии журнала «Стратегия России»

Однако даже при уменьшении добычи Советский Союз выбросил на мировой рынок огромное количество нефти — в основном за счет сокращения внутреннего потребления. Кроме того, на рынок попало большое количество энергонасыщенных товаров — того же алюминия под 4 миллиона тонн, которые раньше употребляли для создания избыточных вооружений. Алюминий оказался крупной статьёй мировой экономии энергии, поскольку ее не надо было производить для переплавки бокситов.

К этому мирному дивиденду, который продержался все 1990-е годы, производители энергии привыкли, как к родному.

Летом 2001 года, за два месяца до террористических ударов по башням Всемирного торгового центра, вышел доклад Лондонского Королевского института, в котором было сказано, что настала эпоха дешевой нефти, что надо вообще сворачивать санкции. А вместо эмбарго, мол, пора думать о проведении активной, целенаправленной политики потребления энергоресурсов, дифференцируя ее в отношении и внешних, и внутренних производителей.

В этот момент и произошел перелом. Он был вызван не только изменением политической ситуации после теракта 11 сентября, но и тем решающим обстоятельством, что к началу XXI века в мире не оказалось серьезного запаса мощностей. Это выявилось, едва прирост потребления нефти подскочил с одного миллиарда баррелей в год до двух миллиардов. Тогда и оказалось, что никакого запаса нет. Мы говорим не о физической нехватке нефти в мире, а о том, что ее не доставало на спотовом рынке. И рынок тут же отреагировал на ситуацию: в чисто экономические отношения вмешались политические факторы.

В 1980—1990-х годах были предложения «распаковать» разведанные месторождения, расположенные в труднодоступных местах. Но разработки их откладывались, потому что большие вложения в новую инфраструктуру добычи повлияли бы на цену нефти, которая взлетела бы до 30 долларов. А пока велись дискуссии, на мировой рынок энергоресурсов начал поступать сжиженный газ, который всегда считался дорогим по сравнению с нефтью и который вдруг стал рентабельным.

В 2000-е годы произошла некая ценовая революция на рынке нефти. Она очень сильно повлияла на доходы нефтедобывающих и экспортирующих стран. Перепады доходов в странах ОПЕК составляли от 120 до 250 миллиардов долларов в год. Иран в 2003 году за экспорт нефти получил 26 миллиардов долларов, а в 2005 году — уже 50 миллиардов. И, естественно, он находится в состоянии «голландской болезни», его мучают проблемы нашего стабфонда. В Иране полагают, что озеленение пустыни с обводнением за счет атомных станций — хорошая идея.

Резко возрастающие доходы экспортеров нефти обостряют проблемы производителей. Взлет цен на сегодняшний уровень означает угрозу для всего нефтедобывающего комплекса: ему придется менять технологию добычи. Более того, усложнение и удорожание технологии может вообще вызвать переход к другим видам топлива. В долгосрочном плане слишком высокие

цены на нефть, и энергоносители вызовут интерес к атомной энергетике, к возобновляемому топливу или к общему снижению потребления нефтепродуктов.

То есть уже просматриваются тенденции, которые будут не в интересах производителей углеводородов. При высоких ценах и существенном увеличении бурения западными компаниями почему-то не происходит серьезного увеличения добычи. А тут еще сокращается объем северной нефти, падает добыча в Европе и в ряде других стран. При этом часть огромных доходов от продажи углеводородного сырья никто не хочет инвестировать в развитие отрасли. В частности, оказалось, что нет ни запасных труб, если мы говорим о газе, ни запасных мощностей на нефтеперерабатывающих заводах.

Кроме финансовых и технологических аспектов на мировой рынок воздействуют политические риски отдельных стран-производителей. В принципе, интересно было бы обсудить, насколько политические риски будут поддерживать цены — как долго и на каком уровне. Потому что от этого, в конечном итоге, зависит и наше благосостояние. Россия оказалась в данном случае «безбилетником», потому что она получила высокую цену на нефть, не предпринимая к этому никаких особенных усилий. И, строго говоря, не проводя какой-то монополистической политики.

Когда нас обвиняют в монополизме, это неверно, потому что Россия не играла вместе с ОПЕК на рынке нефти. Более того, в 2001—2004 годах почти поровну поступило на рынок нефти с территории России и стран-членов ОПЕК. Можно представить, что было бы с мировым рынком в условиях иракской войны, если бы не появилась дополнительная нефть из России. Мы вели ценовую политику достаточно корректно и обвинений в монополизме просто не заслужили.

Политические риски на территории России в каком-то смысле вызваны тем, что она оказалась полем битвы между двумя формами компаний. И естественно, большие потребители очень нервничают, когда видят, что они не могут влиять на события на территориях, которые находятся вне их контроля. Большие потребители, конечно, хотели бы добывать нефть и газ на территории дружественных государств силами своих компаний или с их участием. Потому что контроль над добычей дает уверенность в том, что компания будет придерживаться правил поведения на мировых рынках, следовать разумным советам в области инфраструктуры.

Мне кажется не случайным, что дискуссия идет по России. А о чем дискутировать с людьми, которые сидят с автоматами на лодках в дельте какой-то реки в Нигерии? Как раз Россия, которая движется по смешанному пути, и должна быть объектом дискуссии. Тем более, что в течение всего переходного периода у нас причудливым образом сочетались лозунги свободы, движения к очень либеральному англо-саксонскому капитализму, с практикой, скорее, азиатского капитализма. Поэтому очень логично пытаться давить на Россию, чтобы она сдвинулась к более либеральному режиму — именно потому, что здесь газ и нефть добываются надежно.

Однако фактор надежности подвергается сомнению, когда речь идет о поставках. Тут на первый план выходят именно политические риски. Я считаю, что политически мы не очень удачно действовали в украинском газовом кризисе. Экономически это было совершенно осмысленное, рациональное мероприятие. Но проблема состояла в том, что потребители серьезно восприняли сигнал о теоретически возможных перерывах в поставках. Хорошо известно, что и в психологии, и в политике не так важна реальность того или иного явления, как важно его восприятие. Когда стабильность рынков, уровень цен и даже сама физическая доступность поставок начинают зависеть от политической конъюнктуры, то у потребителей возникают вопросы о надежности партнерских отношений.

Высокие цены на нефть не остановили развития мирового хозяйства. Итоги 2005 года по всем показателям выглядели вдохновляющими. Поэтому прогнозы на 2006 год тоже складывались вполне оптимистически.

Российские и американские эксперты, как говорится, с двух концов подошли к одним и тем же выводам о причинах бурного экономического роста. В 1980-х годах большие арабские нефтяные деньги или большие японские технологические деньги, выбрасываемые на рынки западных стран, шли в финансовый сектор.

Сейчас другой любопытный эффект, от которого в выигрыше США, Германия и Китай. Огромные прибыли нефте- и газодобытчиков идут на импорт. Вот откуда колоссальный рост импорта Канады и Мексики из США. А Германия везет все в Россию. Германия практически вытаскивает ЕС из стагнации, поскольку в одиночку дает плюс 0,5 процента ВВП всего блока. И тем самым высокие цены на энергетические ресурсы обеспечивают экономический рост, идет перераспределение средств, конечно, все равно в пользу нефтепроизводителей. Но спрос на продукцию обрабатывающей промышленности и на услуги тоже растет, а потому нельзя утверждать, что повышение цен сдерживает экономический рост. Да, повышение создает политические проблемы для ряда правительств, потому что в дискомфорте находится средний класс, который платит очень большие деньги за услуги ЖКХ и за бензин для автомобилей. Таким образом, появляется нервность во внутренней политике, но остановки роста нет.

Издержки добычи энергоресурсов в арабских странах всегда были очень низкие, а у нас высокие. И казалось, что это большая проблема. Но мы еще в 2002 году доказывали, что невозможна ценовая война даже между нашими компаниями и компаниями ОПЕК по той простой причине, что у них нижняя цена, при которой существует бюджет, выше, чем у нас. То есть мы теоретически можем при более высоких издержках дольше продержаться.

Наконец, риски при инвестициях.

Вот, по-моему, чего не учитывают все участники политических или пропагандистских раздоров. Любые конфликты, гражданские несогласия, угрозы и невыполненные обещания — все, что есть негативного, тормозит инвестиции. Поэтому все заботятся о своей безопасности. Эскалация страхов

по поводу возможного перерыва в поставках ведет к откладыванию инвестиций, что закрепляет отчасти потенциально высокие цены, поскольку они препятствуют увеличению доступа дополнительных ресурсов на мировые рынки. Кроме того, в ряде случаев происходит дублирование трубопроводов или мощностей по доставке, а это вызывает дополнительные издержки участников рынка. Поэтому целый ряд государств, особенно небольших, у которых доходы от нефти единственная радость, находятся в тяжелом положении выбора. Если следовать рекомендованной политике большего свободного доступа капиталовложений, то они могут потерять свои доходы в ближайшем будущем. И это тоже — из сферы рисков...

ТЕКТОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ РЫНКА

Почему меняются команды и правила игры

Нодари СИМОНИЯ

Политические риски в чувствительной сфере энергетической безопасности базируются не только на том, что, предположим, Эво Моралес в Боливии захотел национализировать энергоресурсы и изменить условия поставок сырья. Есть еще и фундаментальные факторы. За последние годы на мировых рынках нефти и газа произошли настоящие тектонические сдвиги, которые и лежат в основе обострения ситуации в энергетической безопасности.

Обозначу эти сдвиги.

Первое. Роль ОПЕК неуклонно снижается, потому что сокращается удельный вес этой организации в обеспечении нефтью мирового рынка. Доля экспорта углеводородного сырья из стран-членов ОПЕК упала за последнее десятилетие с 46 до 40 процентов. Казалось бы, небольшой показатель. На самом деле — весьма существенный, потому что за эти же десять лет суммарное потребление нефти значительно возросло.

Второй принципиальный сдвиг заключается в том, что в этот период резко изменились схема и динамика потребления нефти. К основным потребителям — странам Северной Америки и Евросоюза — добавились государства Северо-Восточной Азии, в первую очередь Япония, Южная Корея и Тайвань. Здесь спрос на сырье растет неуклонно. В группу главных потребителей, как видим, входят и те страны, которые не имеют своих запасов нефти и газа, и те, которые еще недавно первенствовали в их добыче, вроде Соединенных Штатов Америки. Но сегодня США, не добывая в больших объемах углеводороды, постоянно увеличивают импорт нефти, а теперь еще и газа.

*СИМОНИЯ Нодари Александрович,
директор Института мировой экономики и международных отношений РАН,
академик РАН*

Третье принципиальное изменение ситуации: среди покупателей сырья появились новые действующие лица. Это группа крупных развивающихся стран, где наблюдается быстрый экономический рост. Естественно, среди них Китай. В прошлом году китайцы потребили 310 миллионов тонн нефти. А сами произвели только 180 миллионов. Значит, 130 миллионов тонн они вынуждены были импортировать. И эта динамика пока не меняется. Соотношение импортной и внутрипроизведенной нефти, на мой взгляд, будет в Китае все время увеличиваться в пользу импорта.

Примерно в таком же положении находится Индия и Бразилия. А есть и другие быстро развивающиеся государства, которые тоже увеличивают потребление энергетического сырья — например, страны Юго-Восточной Азии.

Серьезные изменения наблюдаются в среде экспортеров нефти. Напомню, что сорок лет назад, когда речь заходила о «мировой нефти», у всех на устах была Индонезия. Что теперь Индонезия? Здесь уже третий год раздумывают, не выйти ли стране из ОПЕК, потому что Индонезия превратилась в импортера нефти. И 2005 год ознаменовался тем, что государство потратило 7 миллиардов долларов на субсидии для внутреннего рынка. Иначе стране грозил социальный взрыв.

Так что меняется состав стран, производящих углеводороды: выбывает из группы Индонезия, но добавляются новые экспортеры. Немало государств в Африке постепенно наращивает производство и экспорт нефти. Причем стимулировали эту отрасль именно американцы. Они в определенном смысле третировали Африку после того, как развалилась биполярная глобальная система. США посчитали, что им нечего делать на черном континенте, поскольку СССР рухнул и перестал быть конкурентом. Однако несколько лет назад в США поняли, что Африка — это огромный потенциальный источник нефти и газа. Американцы стали буквально прочесывать континент, доходя до таких стран, как Чад, который раньше никому не приходило в голову числить среди экспортеров углеводородного сырья.

Совершенно новая ситуация возникает на мировом энергетическом рынке в отношениях «продавец — покупатель». Было время, когда эксперты, особенно, западные, утверждали, что наступила эпоха потребителей, что покупатель диктует спрос и даже цены. И действительно, развитые страны Северной Америки, Европы и Северо-Восточной Азии диктовали ситуацию на нефтяном и газовом рынке. Сейчас это время кончается.

Во всяком случае, нужно вносить коррективы. США уже не могут запретить целому ряду стран покупать нефть в Иране, давить на них с тем, чтобы они не поддерживали партнерские отношения с Ираном в строительстве газопроводов. Более того, в энергетической политике Соединенные Штаты вынуждены идти на огромнейшие уступки. Например, недавно США подписали с Индией соглашение о готовности содействовать программам развития атомной энергетики. Это беспрецедентный случай. Понятно, что главной целью было блокировать соглашение о строительстве газопровода из Ирана через Пакистан в Индию. А потенциально, может быть, еще и в Китай.

Так меняются не только команды игроков, но и правила игры — и при совершенно других соотношениях сил. Это, конечно, способствует тому, что напряженность на нефтяных и газовых рынках нарастает.

В последнее время очень популярен был среди некоторых западных экспертов и такой тезис: риск заключается в том, что нефть кончается. Известный эксперт Дэниель Ергин в одной из своих статей в «Нью-Йорк Таймс» в прошлом году опять заявил, что нефть кончается. Это он говорит на моей памяти, кажется, уже пятый раз.

Дело не в том, что кончаются мировые запасы сырья. Просто они кончаются на легко доступных месторождениях. Нефть и газ теперь надо добывать в более сложных условиях, чем десятилетие назад, и это тоже фундаментальный сдвиг, который лежит в основе напряженности на мировых энергетических рынках.

После освоения шельфа надо идти на глубоководное бурение, осваивать приполярную акваторию, а разведка и добыча нефти на шельфе и на дне северных морей обходится значительно дороже, чем такие же работы в умеренных широтах. В арктических условиях требуются новые технологии, специальное оборудование, сложная инфраструктура. Причем добывать и транспортировать сырье танкерами круглый год нельзя — мешают сезонные колебания температуры и погоды.

Вот почему совершенно точно можно констатировать: благодаря всем этим фундаментальным сдвигам цены на нефть и газ снижаться не будут — вне зависимости от политических рисков. Более того, именно политические риски становятся дополнительным фактором взлета цен.

Есть определенная закономерность в отношении политических рисков и цен на углеводороды. Каждая эпоха имеет собственные параметры колебаний. В период кризиса 1970-х и начала 1980-х годов установилась новая ценовая планка — четырехкратная. Взлеты необычайные для того времени, к тому же и доллар был другим по сравнению с сегодняшним. И что характерно, риски сгладились, а прежние цены не вернулись.

Сейчас, тоже из-за политических рисков, цены на нефть подскочили до 70 долларов, а эксперты предупреждают, что могут прийти и до 100 долларов за баррель. Предположим, политические риски уйдут. Можно ли ожидать возвращения цен на сырье в объеме 12 долларов за баррель, чего так боятся некоторые российские эксперты? Нет. Этого не позволят сложившиеся условия добычи и транспортировки. Иначе отрасль погибнет на корню.

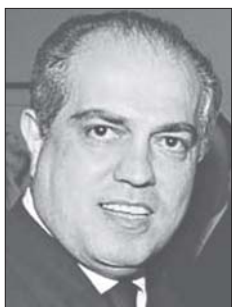
Поэтому мой прогноз оптимистичен для российских плановых органов: цены на углеводороды будут на достаточно высоком уровне в ближайшей и средней перспективе.

Отдельно о политических рисках для производителей. Наши западные партнеры хотели бы получить гарантии поставок сырья, хотя за последние полвека мы никого не подводили. Но когда мы в ответ просим гарантировать спрос, они поднимают в СМИ шум, что Россия выкручивает руки и покушается на систему долгосрочных контрактов. То есть Запад хочет гарантий только для себя. В этом случае он получит рычаг давления. Судите сами, надо ли давать такой рычаг.

ИЗ КОНКУРЕНТОВ — В ПАРТНЕРЫ

Искать новые формы
международного сотрудничества

Тогрул БАГИРОВ

Цены на сырье сегодня не дошли до рекордных, и пик, который был достигнут в результате кризиса 1970-х годов, еще впереди. Основные причины повышения цен — политические. Турбулентная ситуация в мире, новые угрозы и вызовы, проблема международного терроризма — все это складывается в причины, в основе которых нередко лежат эмоциональные факторы. Политическое противостояние переходит в глобальную, резко обостренную, конкуренцию.

И в этих условиях многие компании, в том числе транснациональные, испытывают серьезные трудности в получении новых концессий, в доступе к перспективным проектам разработки и добычи углеводородов. К тому же за последние несколько лет уменьшились и резервы этих компаний.

Эта тенденция приняла достаточно устойчивый, а потому негативный характер. Компания «Бритиш Петролеум», например, прогнозирует в среднем 3 процента падения добычи нефти и газа на своих месторождениях. Это не касается деятельности компании в России, где, наоборот, наблюдается значительный рост, и в Азербайджане. Особенно снижение добычи ожидается на Аляске и на Северном море — до 8 процентов. А между тем «Бритиш Петролеум» затрачивает около 6 долларов только на поиск и разработку одного барреля нефти.

Поэтому падение добычи является одной из причин повышения цен наряду с политическими причинами, наряду с тем, что растут экономики наиболее динамично развивающихся стран, таких как Китай и Индия. Причем

*БАГИРОВ Тогрул Адилевич,
исполнительный вице-президент Московского международного нефтяного клуба*

уменьшение добычи сырья имеет неутешительный прогноз на будущее. Такая ситуация заставляет транснациональные компании предпринимать отчаянные шаги, вести поистине агрессивный поиск новых возможностей.

Другая сегодняшняя тенденция, влияющая на цены, — консолидация нефтегазовых активов в руках государственных и полугосударственных национальных компаний. По выражению Джеймса Шлесинджера, бывшего министра энергетики Соединенных Штатов, практически все новые резервы и потенциальные запасы находятся под контролем национальных нефтегазовых компаний, то есть под контролем государств, которые ограждают свои экономики от чрезвычайного и чрезмерного иностранного вмешательства. И предпочитают самостоятельно развивать эти стратегически важные отрасли, тем более, что благодаря высоким ценам на нефть, сохраняющимся почти в течение трех лет, в странах-производителях накоплены достаточные финансовые и технологические ресурсы. Можно предположить поэтому, что в ближайшие годы конкуренция транснациональных компаний за доступ к ресурсам будет обостряться.

В мире осталось не так уж много стабильных регионов добычи нефти и газа. К таким относится, естественно, Россия и некоторые другие государства Каспийского региона. Практически все остальные производители — страны Персидского залива, а также Иран, Ирак, Нигерия, Венесуэла, Ангола (этот список можно продолжать до бесконечности) — находятся в политической, этнической и гражданской нестабильности. В ряде стран идет война, а против других, например, против Ирана, вполне возможны международные санкции. Растет угроза международного терроризма, который может поставить мир на грань тотального энергетического голода, что, в свою очередь, приведет к разрушению мировой экономики в Западном полушарии.

Такая ситуация, скорее всего, вызовет консервацию существующих авторитарных режимов. Страны-потребители сырья и сегодня поддерживают подобные режимы — в ущерб демократии, правам человека и свободам Запад, прежде всего Соединенные Штаты, не хотят рисковать отношениями с традиционными нефтедобывающими государствами Персидского залива. Нефть выше демократии, а не в обмен на демократию...

Однако, несмотря на двойные стандарты в политике США, растет антиамериканизм. У Соединенных Штатов практически уже не остается возможности воздействия в режиме «взаимовыгодности» на многие, еще вчера зависимые от их политики государства. Этому способствуют возрастающие условия экономической и финансовой самодостаточности стран-производителей, рост влияния России, Китая, Индии и других новых центров силы. История с Ираном в этом смысле показательна. США вряд ли решатся на военную акцию против этой страны, поскольку сил и средств для крупномасштабного и даже превентивного удара у них нет.

В связи с таким развитием ситуации в нефтегазовой отрасли и общим неблагоприятным политическим фоном в мире единственной возможностью доступа к новому сырью является создание совместных консорциумов, аль-

янов, международное сотрудничество, взаимодействие на уровне компаний. Многие российские компании уже стали транснациональными в классическом смысле этого слова.

Существует интересный проект «Газпрома», связанный с разработкой Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцовом море. Это крупнейшее в мире месторождение природного газа, запасы которого оцениваются более чем в 3,5 триллиона кубометров. Однако средняя глубина в море в районе месторождения доходит до 350 метров. Да еще и находится район к северу от Кольского полуострова почти на 600 километров. Поэтому почти за двадцать лет с тех пор, как месторождение разведано, оно так и не «откупорено». Необходимы инвестиции от 15 до 20 миллиардов долларов. Партнерами «Газпрома» собираются стать несколько зарубежных компаний, в том числе из Норвегии, Франции и США. Это еще раз подтверждает соображение, что осваивать новые месторождения в чрезвычайно сложных географических и климатических условиях можно только объединенными международными усилиями.

В системе принятия решения транснациональными компаниями происходят определенные позитивные сдвиги. Они все чаще осознают свою зависимость от национальных компаний добывающих стран, в частности, России. Поэтому охотнее идут на новые формы сотрудничества, не претендуют на операционные функции, имея большинство в консорциумах и альянсах. Теперь они соглашаются на роль стратегических, финансовых и технологических партнеров.

Более того, западные компании чаще стали идти на обмен активами, что тоже новое явление в жизни нефтегазодобывающей отрасли. Они теперь приглашают национальные компании, в частности, Газпром, к владению объектами газопереработки, газотранспортными сетями уже в самих западных странах. Пример Германии в этом смысле показателен. Однако на Западе, как мы все прекрасно знаем, существует еще немало ограничений и препятствий для российских партнеров. Напомню, в Великобритании прокатилась целая волна слухов о покупке Газпромом компании «Сентрика». И на этой волне прозвучали призывы законодательно ограничить экспансию российских энергетических компаний на европейские рынки. Хотя премьер-министр Тони Блэр и заявил, что не допустит попыток правительства внести изменения в национальное законодательство и заблокировать приобретение российским Газпромом английской компании, но тенденция, тем не менее, проявилась, и очень наглядно.

Несколько слов о лоббизме западных компаний правительствами и дипломатическими миссиями соответствующих стран. Следует признать, что наше правительство и МИД тоже неплохо научились отстаивать интересы российских компаний. Лозунг «Все, что хорошо для «Дженерал Моторс», хорошо для Америки» вполне можно перефразировать так: «Все что хорошо для «Лукойла» и Газпрома, хорошо для России». И это правильно. Чем больше наших компаний будет выходить на новые и перспективные рынки и закрепляться там, тем больше будет возрастать энергетическая безопасность России.

РОССИЙСКИЕ РИСКИ

«Энергетическое НАТО» и наши национальные интересы

Вячеслав НИКОНОВ

Председательствование в «восьмерке» предполагает от России выход за рамки национальных интересов и ответ на вопрос: что собственно Россия может предложить миру с точки зрения энергетической безопасности. Постановка вопроса вполне справедливая. Но для нас не менее важно, как реализовать эту целевую установку без ущерба собственным национальным интересам и каковы современные энергетические риски для самой России. Насколько совпадают интересы России и остального мира, в том числе стран «Большой восьмерки»? Должен сказать, далеко не полностью.

Страны Запада являются клубом потребителей. С их точки зрения, от России для обеспечения мировой энергетической безопасности требуется немного: максимальное увеличение поставок российской энергии на мировой рынок; обеспечение доступа западных компаний к российским ресурсам; либерализация российской трубопроводной системы (прежде всего ратификация протокола к Европейской энергетической хартии, чего от нас добиваются и будут дальше добиваться); приватизация российских энергетических компаний с максимальным участием западных партнеров.

Россия принадлежит скорее к клубу производителей. И с чем-то она согласна, в том числе и с необходимостью увеличить предложения энергоресурсов на мировой рынок, с чем-то согласна менее или не согласна совсем.

Россия не против доступа зарубежных компаний на российский рынок, но, безусловно, этот доступ будет регулируемый. Не будет свободного доступа в ряд секторов, которые объявлены стратегическими. Роль государства в неко-

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич, президент Фонда «Политика», президент Фонда «Единство во имя России», председатель Комиссии по международному сотрудничеству и общественной дипломатии Общественной палаты РФ, главный редактор журнала «Стратегия России»

торых ключевых компаниях будет сохраняться — прежде всего речь идет о Газпроме и «Роснефти», которые уже выделены на роль российских лидеров мировой капитализации. Именно через эти компании Россия будет входить в элиту транснациональных корпораций мира, но при этом сохранять контрольный пакет — 50 процентов плюс 1 акцию в активе государства. Одновременно Россия заявляет о том, что готова оставаться надежным поставщиком, в чем в последнее время на Западе возникают очень серьезные сомнения.

Российские риски я разобью на внешнеполитические и внутриполитические. Поставлю внешнеполитические риски на первое место, прежде всего потому, что еще никак не могу отойти от недавнего Брюссельского форума, который собрал в столице Европы всю трансатлантическую, американскую, европейскую элиту. Специальная сессия форума была посвящена обсуждению проблем энергетической безопасности.

Тема обсуждения была та же, что у нас сегодня. Но на 98 процентов все обсуждение строилось вокруг российской угрозы для энергетической безопасности западных стран. Никто не говорил ни об Иране, ни об Ираке, ни о Ближнем Востоке, ни о Китае, ни об Индии, ни о чем другом. Речь шла только о России. О том, что с ее стороны идет шантаж, осуществляется энергетический империализм. Главный аргумент: с помощью энергетических инструментов Россия подавляет свободолюбивый украинский народ. А с помощью «сепаратных сговоров» с «корыстными немцами» разрабатываются схемы, которые нацелены против свободолюбивого польского народа и прибалтийских республик.

Вывод, который делался на этом форуме и который можно прочесть сейчас в наиболее влиятельных западных средствах массовой информации, — надо ослаблять зависимость Запада от России, искать альтернативные, более надежные, источники энергии. (На что я им сказал: Бог в помощь).

И договариваться с другими странами, которые сейчас менее активно вовлечены в энергообмен с Западом, в том числе, скажем, с казахами, азербайджанцами. Шла речь о необходимости создать «энергетическое НАТО», которое будет противостоять России единым западным фронтом, чтобы никакие корыстные интересы отдельных стран не разрывали стройные ряды Запада в обеспечении собственной энергетической безопасности.

А что касается настоящего НАТО, то оно должно обеспечивать безопасность по маршрутам транспортировки нефти. Не случайно основными докладчиками выступили главнокомандующих вооруженных сил НАТО в Европе и министр обороны Польши. Поэтому, когда Ричард Чейни заговорил об энергетической безопасности Запада, для меня это не было слишком неожиданным.

При этом, призывая не политизировать энергетические вопросы, через запятую как раз именно этим и занимаются. Чейни, выступив в Вильнюсе против политизации энергетических вопросов, прилетел в Астану и через 12 часов говорил там о необходимости транспортировки каспийской и казахской нефти в обход территории Российской Федерации, что является прямой политизацией.

Не вполне понимаю, как наши западные друзья собираются при подобном подходе к Российской Федерации реализовывать свои собственные интересы в области энергетической безопасности. На какого рода реакцию со стороны России они рассчитывают, занимая такую позицию?

Я, кстати, задал такой вопрос сенатору Маккейну, который предлагает исключить Россию из «Большой восьмерки». Ответа, я, естественно, не получил. Но реакция прозвучала в выступлении Владимира Путина перед Федеральным Собранием. Я думаю, она будет такой же и дальше: «Товарищ волк знает, кого кушает».

Реакция может быть только обратная той, которую перед собой ставят наши друзья и партнеры. Уж точно подобный подход не облегчит доступ западных компаний к российским энергетическим ресурсам. Как при такой постановке вопроса американские компании рассчитывают на какую-то долю в Штокмановском месторождении?

Очевидно, что ужесточение позиции в отношении России будет заставлять и уже заставляет ее диверсифицировать рынки потребителей, разворачивать потоки энергии на Восток. Что, в свою очередь, будет провоцировать недовольство российской политикой в западных странах. Это создает не самую благоприятную почву как для саммита «Большой восьмерки», так и вообще для нашего энергодиалога с западными государствами.

Но при этом Россия была и остается самым надежным источником энергоносителей для европейских государств в современном мире. И Россия была таковой на протяжении последнего полувека. Прежде всего, потому, что она является, по сравнению со всеми другими регионами, которые мы обсуждаем, политически стабильной. И вопрос политической стабильности в России это во многом вопрос величины внутриполитических рисков для энергетической безопасности.

Сейчас основные риски связывают с избирательным циклом 2007—2008 годов. На мой взгляд, этот цикл предсказуем. Серьезных политических катаклизмов я не предвижу, если только Чейни и американская администрация не имели в виду реализацию сценария (его прописывает Соединенным Штатам влиятельный Нью-йоркский Совет по международным отношениям), который предполагает активную накачку денег в российскую оппозицию, чтобы повлиять на исход выборов. То есть угроза стабильности может исходить из игры в дестабилизацию со стороны каких-то, в основном, внешних сил. Вероятность такой игры мне представляется высокой. Но вероятность ее успеха крайне незначительна.

В порядке перечисления — основные внутриполитические факторы, которые способны сократить производство энергии в России, ее экспорт и тем самым повлиять на энергетическую безопасность.

Первый риск — «синдром собаки на сене». Он наблюдается в нашем правительстве, особенно в его финансовом блоке, который по непонятной для меня причине активно накачивает финансовые резервы государства. В том числе чрезмерно повышая налогообложение энергетических компаний, у

которых может не оказаться необходимых средств для инвестиций в расширение производства и разведку новых месторождений.

Второй риск. Непонимание игроками на рынке правил игры и прежде всего формулы «делиться надо». В качестве примера — месторождение Ковыкта, которое стоит законсервированным и не может развиваться, поскольку ТНК-ВР не считала нужным договариваться с Газпромом, монополистом в транспортировке газа.

Третий риск — энергетический изоляционизм. Российское общественное мнение против разбазаривания национальных богатств. И, кстати, эти настроения в качестве реакции на растущее давление на Россию как на энергетического агрессора может только нарастать. В этих условиях «партия жмотов», которые считают, что надо придержать энергоресурсы для лучших времен, вполне может одержать верх над партией (ее в свое время представлял Михаил Ходорковский), начертавшей на своих знаменах лозунг: «Надо успеть продать энергетические ресурсы, пока на них есть спрос».

Четвертый риск — национализаторский дух, который может отпугнуть частные инвестиции, необходимые для увеличения энергодобычи. Этот дух в стране, безусловно, витает. Но пока не отпугивает инвестиции, скорее даже наоборот. Учитывая природу политических рисков, западные инвесторы как раз более склонны вкладывать деньги в компании, где есть серьезное государственное участие, нежели в компании, где такого участия нет.

Пятый риск — антирыночный крен, который тоже возможен в российской экономической политике. Хотя надеюсь, его не будет. Кроме того, для поставок энергии на мировой рынок собственно рыночные отношения тоже не обязательны, как показал опыт Советского Союза, который был надежнейшим поставщиком энергии.

Шестой — изменения правил игры, которые в России происходят слишком часто. Условия для деятельности энергетических компаний меняются стремительно, непредсказуемо. А любая непредсказуемость, безусловно, создает риски.

И последнее. В связи с изменением правил игры несколько слов об инициативе Путина организовать на территории России биржевую торговлю нефтью, газом и другими товарами с расчетом в рублях. По оценкам экспертов, подобным образом через какое-то время может торговаться до трети российских энергетических ресурсов, что создает некоторую новую реальность.

Андрей Илларионов, выступая по «Эху Москвы», назвал эту инициативу абсолютно бессмысленной, потому что нет никакой разницы, где будет торговаться российская нефть — в Роттердаме или в Москве.

На мой взгляд, определенный смысл все-таки существует. Торговля внутри страны облегчит российским производителям размещение свободных объемов нефти. Центральные банки стран-импортеров вынуждены будут держать часть золотовалютных резервов в рублях. И в этом случае у Центрального банка Российской Федерации появится возможность получать то,

что называют эмиссионным доходом. Просто за счет эмиссии рублей, что является не инфляционным. И это повысит статус рубля. А зарубежные правительства будут внимательнее относиться к России, так как их центральные банки вложили свои средства в российскую валюту. И это уже тоже серьезный инструмент большой политики. С точки зрения именно геополитики, расширения российского влияния на мировые процессы, это действительно весьма важная инициатива.

В заключение. Прогнозы в отношении наших ресурсов, которые здесь прозвучали, оптимистические. Россия способна обеспечить энергетическую безопасность — свою и стран-партнеров. Но только в том случае, если с ней будут считаться как с нормальным и уважаемым партнером, а не как с мальчиком для битья и козлом отпущения.

СНГ: ИНЕРЦИЯ РАЗБЕГА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Нужны варианты интенсивного развития энергетики

Артем МАЛЬГИН

Постсоветское пространство с точки зрения политических рисков — весьма значимое энергетическое поле, на котором взаимодействуют три группы стран: производители, владельцы транзита и потребители. Напряжения в их отношениях обусловлены меняющимися сценариями потребления энергоресурсов, во-первых, и политической конъюнктурой, во-вторых. Везде на территории бывшего СССР политико-энергетические риски

определяются стратегическими разногласиями в развитии нашего общего пространства.

Сейчас очевидно: на этом пространстве наметилось несколько линий разлома. В географическом плане выделяется европейский транзитный регион — Украина и Белоруссия. Они ориентированы на Европейский Союз как на крупнейшего потребителя энергоресурсов и в значительной степени согласуют свою политику с развитием региона. Затем — черноморско-каспийская зона, Азербайджан и Грузия — с выходом на юг. Третий регион, среднеазиатский, куда входят, прежде всего, Туркменистан и Узбекистан. Наконец, занимающий промежуточное положение между черноморско-каспийской и среднеазиатской зоной Казахстан.

Этот географический разлом, я думаю, будет в дальнейшем только расширяться, что приведет к проблемам в координации политического и энергетического пространства. Будет постепенно нарастать дальнейшая диверсификация рисков.

Другой разлом связан с внутривнутриполитическим развитием. Целый ряд государств СНГ переходит в некое постсоветское состояние с точки зрения

МАЛЬГИН Артем Владимирович,
заместитель директора Центра постсоветских исследований МГИМО МИД РФ

развития внутренних режимов. К этим странам можно отнести Украину, Грузию, Молдавию. Другие государства, как это ни парадоксально, например, Белоруссия и Туркменистан, думаю, тоже входят в эту фазу. Но не с точки зрения радикальной демократизации или квазидемократизации своих режимов, а через построение совершенно иных, не похожих на те, что были в ранний постсоветский период, систем власти, систем функционирования экономики. Прежде всего, это касается Туркменистана. И если в Белоруссии варианты обратимости можно просчитывать, то в Туркменистане, кажется, такая система будет сохраняться достаточно долго.

Очевидно, что готовятся к переходу в новый исторический этап те государства, которые сохраняют пока основные параметры постсоветского развития. Я имею в виду Казахстан, Армению, Узбекистан, Киргизию. Азербайджан тоже принадлежит к группе государств, где нарастающие подспудные сдвиги могут привести к изменению и внутривнутриполитической ситуации, и внешнеполитических ориентаций.

Есть момент, общий для всего постсоветского пространства: здесь не сформировался или только формируется полноценный энергетический бизнес. Я имею в виду тот бизнес, который включен, на правах самостоятельного актора, в транснациональные взаимодействия в сфере энергетики, который достаточно независим от эмоций властей, от любых краткосрочных, излишне политизированных сигналов и который может выполнять стабилизирующую роль. Такой бизнес складывается в Казахстане, Азербайджане, отчасти — в России и в Украине. В других государствах постсоветского пространства энергетический бизнес еще не сформировался. Вот где определенные политические риски — когда энергетика и политика, экономика и политика завязаны настолько, что становятся заложниками общественных и политических трансформаций.

На постсоветском пространстве нет единых системных механизмов регулирования отношений в сфере энергетики. Более того, на этом пространстве не работают полноценно глобальные или региональные механизмы регулирования энергетики, которые приняты в мировом хозяйстве. Попытка создания такого инструмента для Евразии в виде Энергетической хартии, который и задумывался как системный регулятор, не удалась потому, что в договоре не участвуют Россия и Белоруссия.

Механизм ОПЕК также неэффективен. Хотя политико-идеологические тренды к сближению с этим регулятором в сфере энергетики, наверное, проявляет тот же Туркменистан. Есть некоторые подвижки в позиции Узбекистана и Казахстана, но совершенно очевидно, что до полноценного подключения к этому механизму еще далеко. Не работают на нашем пространстве и регуляторы Международного энергетического агентства.

Конечно, не все так безотрадно. В какой-то мере на постсоветском пространстве действуют механизмы, которые пытается создать в сфере энергетики Европейский Союз. Это всем известный проект ТРАСЕКА. Наверное, энергетический диалог России и ЕС тоже можно отнести к этим инструмен-

там. Но, повторяюсь, системы нет — ни в СНГ, ни в региональных группировках вроде ГУАМ, которая в значительной степени создавалась под энергетические цели.

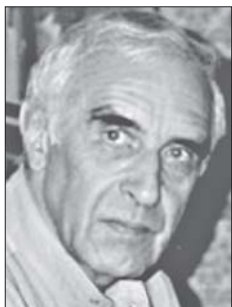
Думается, что экстенсивный рост влияния постсоветского пространства в мировых политико-энергетических отношениях уже исчерпан. Даже новые энергоресурсы, прежде всего ресурсы Прикаспия, относительно ограничены. Что касается Российской Федерации, то и для нее рост присутствия на мировом энергетическом рынке, прежде всего, европейском, тоже исчерпывается — и в плане ресурсов, и в силу тех стратегических позиций, которые занимают западноевропейские страны в отношении российских энергоносителей на своем рынке. Вариант экстенсивного развития для России сохраняется только в восточном направлении: Китай и в перспективе другие страны АТР. Но реализация этого варианта потребует определенного времени.

Что касается политики или перспектив России на постсоветском пространстве, то здесь можно назвать несколько направлений, которые явно недооцениваются и которые могут дать позитивные результаты. Это не просто строительство новых транзитных путей, а создание новых экономико-энергетических отношений со странами СНГ. Это уже интенсивный путь развития — за счет создания сложных экономических схем, прихода в распределительную сеть, создания партнерских структур в энергетике стран СНГ. А в целом — акцентированное внимание к электроэнергетике на постсоветском пространстве. Она оказалась «выключенной» из наших энергетических отношений в последние 15 лет. Атомная энергетика России может вообще заставить пересмотреть значения АЭС в современных энергетических или политико-энергетических отношениях.

ДВА ВЫЗОВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Исламистский терроризм
не сказал последнего слова

Георгий МИРСКИЙ

Ближний Восток — это свыше 60 процентов мировых запасов нефти и 40 процентов природного газа. На регион приходится 31 процент производства нефти и 41 процент ее экспорта. Все страны региона достаточно прочно заняли ниши в мировом нефтяном хозяйстве. Не просматривается пока такое развитие событий, которое привело бы к катастрофическим политическим изменениям в этих государствах. В том числе — и арабо-израильская война, например, из-за палестинского кризиса.

Зависимость США от Ближнего Востока уменьшается, они импортируют с Ближнего Востока менее 18 процентов потребляемой нефти. Важнее для Соединенных Штатов становятся Канада, Мексика и Венесуэла. Активным импортером ближневосточного сырья углеводородов становится Китай — он второй по значению покупатель нефти Ирана, которая составляет 14 процентов китайского импорта. А Саудовская Аравия остается главным поставщиком нефти для Китая. И хотя неподалеку, в Ираке, не затухает серьезный очаг напряженности, в целом обстановка в регионе, повторюсь, кажется вполне стабильной.

Однако на Ближнем Востоке существует два вызова, которые могут представлять угрозу всеобщей безопасности. Это терроризм и ситуация в Иране.

Называть терроризм международным, по-моему, не совсем корректно. Скорее, его надо называть транснациональным исламистским терроризмом. Не исламским, а именно исламистским. Некоторые себе представляют, буд-

*МИРСКИЙ Георгий Ильич,
главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных
отношений РАН*

то Бен Ладен сидит в пещере и оттуда рассылает факсы: там-то взорвать, там-то пострелять... Это не так. Действует рассредоточенная, децентрализованная сеть, состоящая из автономных структур, но, благодаря Интернету, всегда имеющая постоянную связь, объединенная общей идеологией. Термин «международный терроризм» уводит в сторону и маскирует истинное лицо тех, кого он пытается обозначить. Нам угрожают вполне определенные силы, их национальная и религиозная принадлежность ни для кого не секрет — наряду с такими разновидностями терроризма, как северо-ирландский, баскский и так далее, мы наблюдаем активизацию именно исламистского транснационального терроризма.

Наш политический класс пока с трудом принимает это определение.

Во-первых, всегда, еще с дореволюционных времен, привыкли считать, что настоящие дела всегда делаются в Европе. Или в Америке. В общем, на Западе. А на Восток не обращали внимания. И это отношение до сих пор сидит в подкорке.

Во-вторых, надо понять и принять, что исламистский радикализм питается религиозными идеями. Вспомним, как у нас относились к религии! Один из величайших пороков марксизма как раз и состоял в неспособности оценить такие императивы индивидуального и коллективного поведения, как национализм и религиозность. Подумаешь, какие-то религиозные фанатики... Какие-то оборванцы, шпана под руководством мулл. А они побеждали в Афганистане и победили в Иране.

Исламистский терроризм не сказал своего последнего слова. Боюсь, нам предстоит стать свидетелями страшных событий, в том числе, возможно, и на территории нашей страны. Судя по всему, наше руководство больше значения придает угрозе американского гегемонизма, но, по-моему, в ближайшее десятилетие одной из самых серьезных станет угроза транснационального терроризма.

Можно ли в связи с этим ожидать ухудшения ситуации на Ближнем Востоке? В первую очередь видится угроза террористических актов в районе Персидского залива.

Специалисты подсчитали: в результате ударов террористов-смертников по нефтяным объектам Саудовской Аравии экспорт нефти из этой страны может уменьшиться на две трети. Как ни угрожающе это звучит, но не стоит преувеличивать саму возможность терактов. Действительно, террористы пытались наносить пристрелочные удары по нефтяным объектам Саудовской Аравии. Но это не значит, что такие удары удастся повторить, во-первых, и что это обернется катастрофой для Саудовской Аравии и всей нефтяной отрасли Ближнего Востока, во-вторых.

Последствия любого, самого тяжелого, удара по отрасли можно будет достаточно быстро устранить совместными усилиями, как это произошло после вторжения Ирака в Кувейт и атаки на нефтепромыслы. Американский и европейский капитал, современные технологии позволят в короткие сроки вновь подготовить к работе нефтепроводы и предприятия переработки на террито-

рии Саудовской Аравии и других стран региона. Понятно, это отразится на ценах и темпах поставок, но уничтожить нефтедобычу Ближнего Востока как структуру мирового хозяйства никаким террористам не по зубам.

Другое дело, что такое развитие событий скажется на политической стабильности в регионе. И не только в регионе. На волне страха к власти в нефтедобывающих странах могут прийти группировки самого крайнего толка. Я не верю в создание пресловутого «халифата», однако серьезных неприятностей после прихода к власти экстремистов следует ожидать всем — и России в том числе. Достаточно вспомнить, сколько средств и крови стоило восстановление порядка в Чечне, где орудовали эмиссары таких зарубежных экстремистских группировок. Так что террористические взрывы на Ближнем Востоке могут отозваться громким эхом в России.

Что касается Ирана: американской военной операции здесь ожидать не следует. Американцы слишком завязли в Ираке. Я бы сказал, что Ирак в каком-то смысле спас Иран. Если бы не было контрпродуктивной операции Буша против Ирака, а Иран стал бы наращивать свои усилия по производству атомной бомбы, то тогда американцы, действительно, ударили бы по Тегерану. Сейчас у Соединенных Штатов нет для этого возможностей. А после очень скромных успехов в Афганистане и Ираке экспедиция в Иран будет самоубийственна для американской политики в мусульманском мире. И не только в мусульманском. В ноябре в Америке пройдут промежуточные выборы. Республиканской партии, грубо говоря, наплевать на Буша, у которого нет будущего. Партия озабочена тем, чтобы вообще с треском не провалиться. Так что в этом году о походе США в Иран даже говорить не стоит.

Однако это не означает, что можно спокойно смотреть на развитие ситуации с Ираном. Нет никакого сомнения, что Тегеран твердо и целеустремленно идет по пути создания бомбы. Если не изменится ситуация вокруг Ирана, то бомба будет. Вообще-то ее иранцы не собираются ни на кого бросать. Я не верю в такую угрозу. При самой буйной фантазии трудно представить, что иранцы влезли в Закавказье или в Центральную Азию со своей бомбой. До Америки они не дотянутся. Было бы заманчиво, конечно, стереть Израиль с лица Земли. Но едва иранцы начнут присобачивать свою бомбу к своей ракете, им на голову посыплются израильские бомбы — не ядерные, а самые обыкновенные. И этих бомб будет вполне достаточно, чтобы похоронить иранский атомный проект.

Вот в этом я вижу наиболее опасный вариант развития событий. Если Тегеран будет вести себя так, как сейчас (а все козыри у него в руках), то вся дипломатия — и наша, и ооновская, и американская — ничего не сможет с ним сделать. Иранцы ничего не боятся — ни санкций, ни войны. Мне кажется, что в глубине души такие люди, как президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, надеются, что будут введены санкции. Вот тогда можно сказать своему народу: империалисты, которые всегда пытались нас задушить, сейчас прямо берут за горло, даже мирный атом не дают создавать... Это очень полез-

но для мобилизации народа, который сейчас с большим энтузиазмом приветствует все усилия Ахмадинежада.

Очень опасное развитие событий может заключаться вот в чем. Когда иранцы окажутся в пятиминутной готовности от создания бомбы, на это обязательно среагирует единственная на Ближнем Востоке страна, которая действительно опасается успеха иранского ядерного проекта, — Израиль. Все остальные соседи Ирана по региону, в общем-то, не заинтересованы ни в каких военных действиях и ни в какой катастрофе. И Европа не хочет слишком сильно давить на Иран.

Когда израильская разведка доложит своему правительству, что Ирану осталось сделать один шаг, Израиль нанесет удар. Это не будет означать полной катастрофы для Ирана. Это даже не будет означать его отказа от ядерной программы. Но на несколько лет отбросить Тегеран от создания ядерной бомбы для правительства, которое в этот момент будет у власти в Израиле, станет великим делом.

Почему Пакистану, Индии, Израилю можно иметь атомную бомбу, а Ирану нельзя? А почему нельзя Египту, Саудовской Аравии, Сирии? Когда-то должен быть положен конец всему этому... Но аналогия проводится с «холодной войной». Мол, у СССР — бомба, у Америки — бомба. И никакой войны. Оружие сдерживания — и больше ничего. Но ведь наши режимы, при всех их недостатках, обладали определенной ответственностью. А президент Ахмадинежад говорит, что надо стереть с лица земли Израиль. Его никто за язык не тянул. Он провоцирует западную общественность, чтобы поднять волну антимусульманских, а не только антииранских настроений. Такая волна вызовет, отражаясь, антизападные, патриотические настроения в исламском мире. А это даст президенту Ирана колоссальный авторитет, который уже и сейчас немал.

Теперь вопрос: зачем такому режиму позволять атомное оружие?

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: УГРОЗЫ ЛЕВОГО ПОВОРОТА

Реакция на неолиберальные эксперименты

Владимир ДАВЫДОВ

В Латинской Америке около 10 процентов мировых запасов нефти, и она добывает ее 13 процентов. То есть субконтинент не способен сегодня воздействовать на мировую ситуацию кардинальным образом. А завтра? Возникают ли здесь политические риски? В долгосрочном плане их нельзя исключать, но если говорить о краткосрочном прогнозе, то я не вижу крупных изменений в Латинской Америке, которые могли бы радикально повлиять на ценовую конъюнктуру или на регулярность поставок нефти.

Это доказывает пример Венесуэлы. Президент Уго Чавес — единственный политик такого уровня, который поносит Джоржа Буша самыми страшными ругательствами. Тем не менее, обращает на себя внимание удивительная сдержанность и терпимость Вашингтона в отношении венесуэльского президента. Американцев можно понять: сегодня обижаться на крупных поставщиков нефти не приходится — себе дороже.

Политические риски в Латинской Америке существуют. Однако они парадоксальным образом оборачиваются не против Соединенных Штатов, на которых, казалось бы, направлен весь левый протест. Например, после боливийской национализации наиболее пострадавшей стороной оказалась Бразилия.

Пока мы говорили в основном о нефти. Но нужно говорить и о газе. Половина газа, который поступает в Бразилию, боливийского происхождения.

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович,
директор Института Латинской Америки РАН

И Бразилия оказалась в весьма тяжелой ситуации. Предстоит длительный и сложный переговорный процесс. Пострадали сначала бразильская компания «Петробраз», а потом испанская «Репсоль». Бразилия заявила резкий протест устами своего президента. Но так же, как и наш президент в аналогичной ситуации, Лула да Силва сказал, что это спор хозяйствующих субъектов, и пусть «Петробраз» сама разбирается с соответствующими инстанциями и Боливией.

Боливийская национализация была политически мотивирована, а в правовом отношении она весьма слаба и непродуманна. Декрет президента Эво Моралеса о переводе энергоресурсов страны под контроль государства противоречит закону о нефти 2005 года, в котором обозначены совершенно другие пропорции раздела прибыли между государством и частными компаниями. И бразильская сторона, а именно, «Петробраз», собирается судиться с боливийцами, исходя из боливийского законодательства.

Я думаю, в конце концов, будет найден какой-то компромисс. Но сама ситуация говорит о зависимости Бразилии от экспортеров энергоресурсов, об уязвимости ее экономики. В перспективе урегулирование ситуации будет во многом зависеть от Китая, Индии и Бразилии как крупнейших потребителей. Сможет ли Россия использовать некоторую близость интересов, чтобы сотрудничать с этими странами и добиться выгодного ей мирового баланса?

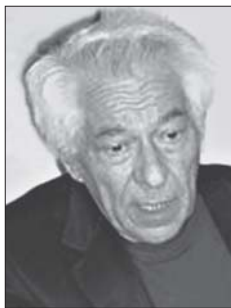
Риски, которые просматриваются в Латинской Америке, завязаны в узел венесуэльско-колумбийских противоречий. В обострении конфликта не заинтересован Вашингтон. Хотя именно Соединенные Штаты «упустили» Латинскую Америку и сами виноваты в нынешнем левом повороте. Самая серьезная причина этого поворота заключена в реакции на неолиберальный эксперимент. В Латинской Америке он протекает в новом качестве, отличном от процессов второй половины XX века, и связан еще с индейским ренессансом. Поэтому поворот мы должны ожидать не только в Боливии, но в Перу, Эквадоре, Гватемале и даже в Мексике.

Хотелось бы подчеркнуть еще одно обстоятельство общего порядка. На мировом рынке сложилось два пула — производителей и покупателей. Причем ряды покупателей растут. Одновременно возрастает и их давление на производителей. В этом заложено зерно конфликта. И если мы не хотим рисков, мир должен двигаться к практике, которая хорошо зарекомендовала себя во многих других ситуациях, в использовании многих других ресурсов и движении товаров. Нужно международное соглашение по нефти.

ЗАВТРА ЗАГОВОРИМ ОБ АФРИКЕ?

На Черном континенте зреют серьезные вызовы

Аполлон ДАВИДСОН

Африку мы знаем неизмеримо хуже, чем Ближний Восток и Латинскую Америку. А еще хуже знаем, чего от нее ожидать. Здесь энергоресурсы изучены меньше, чем на любом другом континенте. До конца колониального периода их не успели и разведать по-настоящему. В последнее десятилетие, в период так называемой независимости, условия для изучения энергетических богатств Африки сложились совершенно неподходящие — кровавые убоицы, беспрестанные гражданские войны.

Именно поэтому здесь так велики возможности политических рисков. В наших средствах массовой информации и в научно-популярной литературе не отмечалось, что самая большая война после Второй мировой происходила в Африке — в Конго и вокруг него. В эту войну в 1990-е годы так или иначе было втянуто около 10 государств. По некоторым сведениям только убитых было 4 миллиона.

А геноцид! После армянской резни 1915 года и после Холокоста мир не знал такого геноцида, как в Руанде, где погибло около миллиона человек. А еще надо вспомнить войны в Либерии, Сьерра-Леоне, столкновения в Зимбабве и в Судане. Такое государство, как Сомали, существует только на карте, в реальности на территории этой страны идет длительная война даже не племен, а кланов. И такое положение не только в Сомали.

Это ведет к тому, что энергоресурсы могут оказаться в совершенно неожиданном распоряжении. Сейчас США получают из Нигерии и Анголы, по некоторым данным, до 20 процентов нефти. И этот поток может перекрыть

*ДАВИДСОН Аполлон Борисович,
руководитель Центра африканских исследований
Института всеобщей истории РАН*

противостояние мусульман и христиан в Нигерии, которое разгорается все сильнее. Но дело не только в нефти и не только в интересах США, которые у нас принято сейчас не любить. А вот конголезский уран кому достанется? На какие цели пойдет?

И такая ситуация, можно сказать, наблюдается на всей карте Африки. Везде риски, риски и риски. Причем положение обостряется именно сейчас. А недавно казалось, что после окончания «холодной войны» как Западу, так и России уже не до Африки. Сейчас период раскочки кончается, начинается новая схватка.

Было справедливо отмечено, что даже Чад сейчас оказался в центре внимания. Наши российские предприниматели вложили огромные средства в предприятия ЮАР, в добычу марганцев в Ботсване. Но если наши денежные люди идут на Черный континент, то сколько народа по всему миру тоже хочет вложить средства — не только в добычу платины, золота или марганца, но и в риски для всего мира. При поразительной нестабильности Африка напоминает ряд пороховых погребов, потому что громадные энергоресурсы здесь сочетаются с нищетой, с ужасающей бедностью, с безысходностью. Значит, Африка вполне может стать очередным резервуаром терроризма. Кто и как поднесет спичку к этим пороховым погребам, для нас загадка.

Значит, для того, чтобы прогнозировать риски в Африке, надо лучше представлять обстановку на континенте. Надо лучше знать Африку. Но вот со знаниями, с подходами в изучении ближнего и дальнего зарубежья у нас, как говорится, не все ладно.

У американских журналистов есть выражение в отношении проблемы, которая горячо обсуждается — «секси». Это никакого отношения не имеет к сексу. Это темы, которые на слуху у публики. Если в Ирландии несколько лет назад убивали одного ирландца, об этом писал весь мир. И сейчас, если в Израиле или Палестине убьют несколько палестинцев или израильтян, об этом кричат все мировые СМИ. В Конго убили 4 миллиона, а в Нигерии миллион. Это обсуждали в российских газетах или на телевидении?

По основному образованию я историк. На исторических факультетах наших университетов изучается история 15 процентов населения Земли. В Америке изучается история Соединенных Штатов, а в Европе — государств Западной Европы. Недаром президент Шаймиев на юбилее Казани прямо сказал: у нас в стране изучают только историю русских.

Если и дальше так изучать историю, то каждый новый Талибан для нас будет, как снег на голову. Мол, откуда вообще это все взялось?

Конечно, я не могу давать рекомендации министру образования, но крайне необходимо изучать не только темы, которые сегодня на слуху: нефть, Иран, терроризм... Есть темы, которые сегодня не принято обсуждать, но о которых буквально закричат завтра. Значит, надо уже сегодня выходить за круг привычных символов.

УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ С РИСКАМИ

Алексей МАЛАШЕНКО

*Старший научный сотрудник
Московского Центра Карнеги,
профессор кафедры политической
теории МГИМО МИД РФ*

Специалисты говорят, что рост цен на нефть мало зависит от экономического развития, что подобное развитие не останавливает этот рост, а даже в чем-то ему способствует.

Эксперты говорят, что риски подталкивают цены. То есть речь идет о том, что цены определяет политика. Но, что любопытно, даже когда эти риски исчезают, цены на нефть не падают.

Риски были, есть и будут. Значит, сам фактор большого риска должен непременно вписываться в энергополитику, если позволите употребить такой термин. Отсюда вытекает еще одно положение: рисками надо научиться манипулировать. Не нужно много рассуждать, как от рисков избавляться — нужно расценивать их именно как объект манипулирования: ведь кому-то они дают прибыль, для кого-то являются негативными факторами. Значит, надо учиться в ситуации риска извлекать больше прибыли и стараться получить при этом меньше «шишек».

Но из этого еще следует, что риски очень часто могут создаваться искусственно. В этой ситуации сам термин «риск», в общем-то, не совсем оправдан. Тут, видимо, нужно подобрать какое-то другое слово, более нейтральное.

Если с этой точки зрения посмотреть, скажем, на международный терроризм, то временами возникает очень, я бы сказал, пикантная ситуация. Совершенно очевидно, что в отдельных ситуациях, отдельным государствам очередной террористический акт оказывается на руку. И линию этих рассуждений можно продолжить...

И самое последнее: о несовпадении интересов в том, что касается энергетической безопасности. Вероятно, следует говорить не вообще об энергетической безопасности, а о том, что конкретно она означает для той или иной страны. Во всяком случае, я думаю, такой подход был бы гораздо понятнее, а в чем-то, если хотите, даже честнее.

КОНФИГУРАЦИЯ ТЕРРОРА

Александр ИГНАТЕНКО

*Президент Института религии
и политики, заместитель председателя
Комиссии по вопросам развития
гражданского общества и участия
общественности в реализации
национальных проектов
Общественной палаты РФ*

Международный терроризм как самостоятельный фактор риска — это объединение экстремистско-террористических группировок, включающих историческую «Аль-Каиду» и большое количество структур, которые отпочковались от нее или возникли как своеобразные клоны. По моим подсчетам, такого рода группировок в настоящее время по всему миру насчитывается не менее полутысячи.

Международная террористическая сеть стала довольно эффективным инструментом проведения глобальной политики, позволяющим под прикрытием псевдосамостоятельного существования и мимикрирования под национальные институты безнаказанно вмешиваться во внутренние дела государств.

Анализ деятельности террористической сети показывает, что ее основная (но, конечно, не единственная) функция — это контроль за зонами добычи и транспортировки углеводородов. Не случайно и сама международная террористическая сеть начала формироваться после первого глобального нефтяного кризиса 1974 года.

Как осуществляется упомянутый контроль за зонами добычи и транспортировки углеводородов? В подавляющем большинстве случаев это:

- осуществление террористической диверсионной активности;
- дестабилизация ситуации в определенных регионах;
- провоцирование конфликтов на этнической и конфессиональной, религиозной почве;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- внедрение квазигосударственных образований в зонах ослабленного государственного контроля за национальными территориями и т.д.

Конфигурация «проектов» международного терроризма по части негативного контроля указывает на тех субъектов в международной политике, которые имеют прямые выгоды от подобного рода деятельности. Это, в первую очередь, арабские монархи Персидского залива.

Контроль осуществляется непосредственно и комбинированно, через контактное и дистанционное воздействие. Яркий пример такого комбинированного воздействия — синхронизированная террористическая активность «Аль-Каиды» в Ираке и серия терактов или их угроз в Европе (в Испании, Великобритании, России и так далее). Что я имею в виду под дистанционным

воздействием? Например, вывод испанского воинского контингента из Ирака вследствие проведения террористических акций на территории Испании одним из подразделений «Аль-Каиды».

Важно иметь в виду, что амбивалентность проектов негативного контроля состоит в том, что они могли бы стать и формами позитивного контроля. Например, в том случае, если создаются какие-то квазигосударственные образования, тем или иным образом подчиненные «Аль-Каиде».

Напомню, что в недавнем Послании Федеральному Собранию президент специально остановился на «масштабной агрессии международного терроризма на Северном Кавказе в 1999 году». Хотелось бы особо отметить, что эта масштабная агрессия производилась с территории (и это очень важно иметь в виду) квазигосударственного образования, которое в международной террористической сети называлось Чеченская Исламская Республика. Налицо была своего рода «матрешка»: Чечня, внутри Чечни — Чеченская Республика Ичкерия, а внутри нее — «алькаидовская» Чеченская Исламская Республика.

Сегодня деятельность «Аль-Каиды» в Ираке направлена на создание так называемого «Исламского эмирата Ирака». Указываются даже сроки — 3 месяца. Об этом заявил недавно один из руководителей «Аль-Каиды». Если такого рода эмират будет создан, то это квазигосударственное (или протогосударственное) образование станет существовать явно в интересах суннитских нефтяных монархий Персидского залива.

Практический вывод: глобальную энергетическую безопасность необходимо обеспечивать за счет совместной борьбы России и остальных членов «восьмерки» против международного терроризма.

ГОРЯЧИЙ ЛЁД

Георгий АРБАТОВ

*Руководитель Центра международной
безопасности ИМЭМО РАН,
член Аналитического совета
Фонда «Единство во имя России»*

Если трактовать тему шире — как политические риски для безопасности вообще и для Российской Федерации в частности, то, мне кажется, самый главный риск состоит в дальнейшем усугублении экспортно-сырьевой модели российской экономики. Этого не стоит упускать из виду, обсуждая глобальные и региональные вопросы.

Здесь интересы России расходятся с интересами Запада, Китая, тех стран, которые волнуются, хватит ли у России нефти и газа и будет ли она стабильно поставлять их на мировой рынок. Национальные интересы России расходятся не только с интересами главнейших потребителей нефти и газа, но с интересами и Газпрома, и «Лукойла». Поэтому я не могу со-

гласиться с утверждением, что «все, что хорошо для Газпрома и «Лукойла», обязательно хорошо и для интересов Российской Федерации». Уверен, это не так.

Меня порадовало, что в недавнем Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию не прозвучала доктрина о превращении России в энергетическую сверхдержаву. Я думаю, что упомянутая доктрина является непродуманной и внутренне противоречивой. История не знает энергетических сверхдержав, и мне трудно представить себе подобный феномен. «Энергетическая сверхдержава», по-моему, то же самое, что и «горячий лед».

Мы в свое время привыкли жить в условиях дефицитной государственной распределительной экономики, при которой поставщик товаров и услуг имеет власть. В какой-то степени это влияет на психологию. В условиях рыночной экономики (а мировая экономика, безусловно, главным образом рыночная) определяющим звеном в значительной степени является потребитель, а не поставщик. Если потребитель силен в технологическом и военном отношении, то и в политическом отношении он будет влиятелен. Потребитель может, в крайнем случае, поставить под контроль транспортировку энергосырья и даже разработку месторождений.

Экспортно-сырьевая модель экономики для России в долгосрочном плане просто губительна, потому что она обеспечивает и ограниченную занятость, и ограниченный бюджет.

Не будем забывать, что при высоких ценах на нефть и быстром экономическом росте объем нашего ВВП составляет сейчас в денежном выражении около 900 миллиардов долларов. Это всего вдвое больше, чем американский военный бюджет. Я уж не говорю о федеральном бюджете, тем более о ВВП США. И перспектив качественного увеличения объемов нашего внутреннего валового продукта на экспортно-сырьевом пути я не вижу, поскольку здесь нас ждет зависимость от внешних цен на нефть, а следом, в принципе, и авторитарная политическая система. Кроме того, на этом пути невозможна долгосрочная интеграция с большой Европой, так как с источниками сырья и энергии не интегрируются: от них берут то, что нужно, и отгораживаются политическими и военными барьерами.

На этом пути нас ждет однобокая зависимость от Китая, которая особенно опасна с учетом нашего исторического прошлого и конфликтных факторов политики и безопасности Дальнего Востока.

Наконец, это предпосылка слабой обороны, потому что нельзя построить современную оборону лишь за счет увеличения военного бюджета. Можно выпустить больше танков или, скажем, эсминцев. Но современная оборона зиждется на высоких технологиях, на продуктах информационной революции, которая порождается только инновационной высокотехнологичной экономикой. Поэтому мнение, что мы можем вдвое, втрое увеличить военный бюджет и таким образом обеспечить свою оборону, не более чем иллюзия.

«МЕСТО» ДЛЯ ДЕНЕГ

Виталий БУШУЕВ

Генеральный директор
Института энергетической стратегии

На протяжении последних лет, профессионально занимаясь вопросами анализа конъюнктуры мирового нефтегазового рынка и анализом влияющих на него факторов, мы пришли к некоторым парадоксальным выводам.

Первый. Сегодня утверждение о том, что в мире нарастает спрос на энергоносители и падает потенциал запасов сырья, не соответствует действительности. К тому же не эти факторы определяют текущую конъюнктуру цен.

Второй вывод. Политические риски (в том числе связанные с военными угрозами) часто оказывают на рынок влияние прямо противоположное. Другими словами, в период обострения этих рисков цены не только не растут, а, напротив, падают.

В связи с этим, видимо, нужно искать более значимые факторы формирования конъюнктуры мирового рынка.

Кому она выгодна и кто ее сегодня определяет? В первую очередь, Соединенные Штаты Америки — как страна, имеющая избыток свободных денежных средств. Эти деньги вкладываются в нефтяные фьючерсы, потому что сегодня на бирже объем подобных «сделок по сделкам» в 100 раз превышает объем собственно товарных сделок. Поэтому фактическая потребность или дефицит на бирже никакого отношения к конъюнктуре цен не имеют.

Почему американцам это выгодно? Во-первых, они тем самым раскрывают собственные запасы, освобождаясь от зависимости от внешних поставок, и увеличивают число рабочих мест. А, во-вторых, тем самым Соединенные Штаты производят товары, которые поставляются странам-экспортерам энергоресурсов. В свою очередь, те поставляют США более выгодные, ценные и значимые продукты.

Как долго это будет продолжаться? Думаю, до тех пор, пока деньги не найдут более достойного применения. События 1998 года показали: когда была предпринята попытка вложить деньги в информационные технологии, мировые цены на нефть упали. Но впоследствии фиаско с информационными технологиями привело к тому, что деньгам снова стали искать «место»: тратить на золото, нефть и другие ресурсы.

Словом, говорить о зависимости экономики от цен в развитых индустриальных странах сегодня, увы, не приходится. По мнению американцев, пока цены на нефть будут не выше 100—110 долларов за баррель, экономика останется к этому совершенно бесчувственной. В Европе считают, что экономика начнет страдать после рубежа в 90 долларов за баррель. И даже китайская экономика спокойно переваривает эти цены.

Для кого все это опасно? Для России. Потому что в России надо различать текущие и стратегические проблемы энергетической безопасности. Вроде бы выгодно получать почти дармовые деньги. Но это расхолаживает, развращает нас. В том числе, с точки зрения инвестиций в новые технологии. Дело ведь не в том, что у нас нет инвестиций. Просто мы не знаем, что нужно производить, что будет пользоваться спросом. Импортозамещение мы проиграли. А найти новые точки приложения средств пока трудно.

Главная угроза не в том, что Россия может оказаться энергетической сверхдержавой. Главная проблема, как России выходить из этого статуса.

С НАМИ ВСЕГДА БУДУТ СЧИТАТЬСЯ

Николай ШМЕЛЕВ

*Директор Института Европы РАН,
академик РАН*

Даже в условиях нынешнего давления на Россию не вижу оснований для нервозности. Мы неуязвимы, нет таких рычагов, с помощью которых можно принести России серьезный вред в энергетической сфере. Мы неуязвимы как поставщики ресурсов, и с этим Европа должна считаться. Ей гарантированы стабильные, надежные поставки сырья. Вероятно, какие-то маргинальные, обходные пути поставок возникнут, хотя бы в качестве дополнительных, но потребление российских энергоресурсов не снизится при любых политических конфигурациях.

Сейчас шумят по поводу американских инициатив в продвижении строительства транскитайского газопровода. Пусть строят, пусть вкладываются... Наши месторождения все равно будут работать при всех интригах. И потребность в нашем «голубом потоке» останется.

Шумят и по поводу того, что мы «теряем» Среднюю Азию. Во-первых, узбекского газа и казахской нефти хватит не только на два, а еще на несколько направлений. Во-вторых, мы забываем очевидное. Что Средняя Азия будет делать со своей главной проблемой, с Аралом, без России? Воду Сырдарьи и Амударьи уже растранижили со своей системой ирригации. И без нас гидроресурсы не восстановят. А без восстановления Арала Средняя Азия обречена. Рано или поздно придется забыть сегодняшние конъюнктурные моменты и работать с Россией по всем направлениям.

Надо спокойно относиться ко всем нападкам и обвинениям. Тогда мы сможем сохранить все нынешние рычаги влияния, в том числе в энергетической сфере. Но для этого нужны крепкие позиции государства.

В этой связи мне не очень симпатична такая точка зрения: все, что хорошо для «ЛУКОЙЛа», то хорошо для страны. Не думаю. Наши сырьевые олигархи вывели чудовищные деньги и продолжают играть в большой футбол.

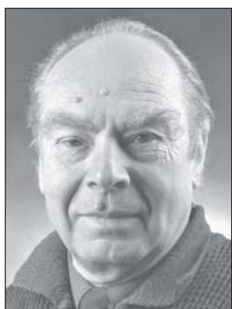
А между тем последние пятнадцать лет разведка энергоресурсов отстает от добычи. Мы беднее. И я не вижу при нынешней, пока еще спекулятивной, экономике возможностей активного освоения новых месторождений. Пока что «хозяева недр» ориентируются на чудовищный уровень прибыли: 200, 300 процентов годовых. А если 100 — они уже и нагибаться не хотят.

Нет другого источника средств на разведку и создание инфраструктуры добычи, кроме государственной казны. Вкладываться в геологоразведку не хотят и «Бритиш Петролеум», и Тюменская нефтяная компания, и прочие добытчики. В этих условиях, извините за реакционное предложение, надо бы восстановить Министерство геологии — государственную структуру с нормальным бюджетом. И тогда, уверен, с нами на рынке энергоресурсов будут считаться еще больше.

КОГДА РОССИЯ — НЕ ЕВРОПА?

Потенциал самостоятельной
отечественной цивилизации

Николай СЛОНОВ

В своем февральском выступлении перед активом «Единой России» Владислав Сурков огласил тезис идеологической и стратегической значимости: *российская цивилизация является частью европейской цивилизации*¹. Заместитель главы президентской администрации затронул проблему, являющуюся предметом активных дискуссий: *является ли Россия в цивилизационном отношении частью Европы или же представляет собой*

особую — российскую цивилизацию?

Трудность теоретического решения этой проблемы лежит «в ограниченности сложившихся представлений о цивилизации, не предоставляющих возможности на научной основе выделить те страны и народы, которые бесспорно могли бы быть определены либо как особые цивилизации, либо как не представляющие таковых. Методологически пока не удалось ясно сформулировать теоретическую основу альтернативы «цивилизация — нецивилизация», что позволило бы относить конкретное (со)общество к разряду цивилизаций»².

Но проблема российской идентичности является не только теоретической. Мы знаем, например, что в день выборов запрещено публиковать статистические данные о симпатиях избирателей. И понятно почему: сведения о намерениях избирателей суть не просто эмпирические факты, пригодные для теоретического обобщения, но и **компоненты самой социальной реальности, влияющие на протекающие в ней процессы**. Сказанное в го-

СЛОНОВ Николай Николаевич, профессор Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина, лауреат конкурса «Идеи для России» 2005 года

раздо большей степени относится к проблеме цивилизационной идентичности. Ее определенное решение, непосредственно или опосредованно, повлияет на направление активности россиян, придаст определенную окраску их деятельности.

Практическая значимость решения проблемы, во-первых, требует введения в теорию *субъективных факторов*, учитывающих, что носителем цивилизации и интерпретатором высказываний о ней является конкретный человек. А, во-вторых, ответ на вопрос может зависеть от *практической ситуации*: в одних случаях правильно (с точки зрения *объективной видимости* положения вещей в условиях общения) и целесообразно для достижения признанных общественных целей считать российскую цивилизацию **частью европейской**, а в других — **особой российской цивилизацией**, отличной от западной.

1.

Возникновение понятия «цивилизация» (от лат. *civilis* — государственный, гражданский) принято относить к XVIII веку. Французские философы-просветители «цивилизованным» именовали общество, основанное на идеалах справедливости и разума. Во многих словоупотреблениях термин «цивилизация» оказывается близким по содержанию к слову «культура» (но есть теоретические концепции, разводящие значение этих терминов и даже противопоставляющие культуру и цивилизацию). Э. Тейлор («Первобытная культура», 1871) и вслед за ним Л. Морган («Древнее общество», 1877) утвердили триаду «дикость, варварство, цивилизация» как крупные закономерные этапы в эволюции человеческого общества.

В разработку понятия о *локальной* — в пространстве и историческом времени — *цивилизации* наиболее заметный вклад внесли Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон. При этом Н.Я. Данилевский («Россия и Европа», 1868) в значении локальной цивилизации использовал термин «*культурно-исторический тип*». Шпенглер («Закат Европы», 1918—1922) в том же значении говорил о «*высших культурах*», а сам термин «*цивилизация*» применил для обозначения стадии упадка культуры, застывания ее в безжизненных технологических формах. Разведение понятий культуры и цивилизации воспринято философией культуры, наукой о современной, по существу, западной цивилизации.

История, по Шпенглеру, «четко распадается на два больших периода», первый из которых является периодом первобытной культуры. При переходе ко второму периоду появляется «*нечто коренным образом отличное от всякой первобытной культуры — по самому способу своего развития, по его преднамеренности, по внутреннему единству всех форм его выражения и по направлению жизни к одной цели*»³. Это нечто и есть «*высшие культуры*», которые возникают сразу в двух вариантах: египетская и вавилонская. Впоследствии к ним добавляются китайская, античная, индийская, мексиканская, европейская и «русско-сибирская» высшие культуры. Расцвет последней в

значительной мере относится к будущему. «Одушевленными существами внутри первобытной культуры помимо человека являются лишь племена и роды. *Здесь, однако, одушевлена сама культура*»⁴. «Высшие культуры» О. Шпенглера (как и «культурно-исторические типы» Н.Я. Данилевского) понимаются как своего рода «организмы», закономерно проходящие в своем развитии определенные стадии вплоть до угасания.

То, что О. Шпенглер исследовал как высшие культуры, А. Тойнби назвал «цивилизациями». Он тоже полагает, что движение человечества от варварства осуществлялось во многих вариантах. «История в смысле развития человеческих обществ, называемых цивилизациями, проявляется как пучок параллельных друг другу и сравнительно недавних свершений и опытов в некоем новом предприятии, а именно во множестве попыток, предпринимаемых до самого последнего времени, преодолеть примитивный образ существования, в котором человечество с момента своего возникновения в оцепенелом состоянии провело несколько сот тысячелетий»⁵. Состоявшихся цивилизаций А. Тойнби насчитал двадцать одну, большей частью «мертвых». Только пять из них продолжают существование: дальневосточная, — в китайском и японском вариантах, — индуистская, исламская, западная и «православно-христианская» (и после Второй мировой войны Тойнби продолжал так называть российскую цивилизацию). Локальную цивилизацию он считал минимальным полем для полноценного исследования культур отдельных народов, наций, и государств: «Наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его, вроде национальных государств современного Запада или городов-государств греко-римского периода». В своем понимании цивилизации А. Тойнби выходил за пределы локальной цивилизации. «Каждая из цивилизаций есть своеобразная попытка единого, великого, общечеловеческого творчества или, если смотреть на нее ретроспективно, после ее завершения, это своеобразный пример единого, великого общечеловеческого опыта»⁶.

А. Тойнби был чужд распространенный в общественных науках евроцентризм. Он писал: «Запад сегодня все еще продолжает смотреть на историю со своей старой, узкоместнической, эгоцентрической точки зрения, которую другие сообщества к нашему времени вынуждены были преодолеть. Тем не менее, раньше или позже Запад в свою очередь будет вынужден пройти то переобучение, которые другие цивилизации прошли в процессе унификации мира в результате влияния Запада»⁷. А. Тойнби предполагал, что «по мере того, как через новые века и поколения объединенный мир постепенно будет находить путь к равновесию между различными составляющими его культурами, западная составляющая со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с ее истинной ценностью, в сравнении с теми другими культурами — живыми и угасшими, — которые западная экспансия привела в соприкосновение друг с другом и с собой»⁸.

В 1947 году, когда писались эти слова, не так трудно было усомниться в безусловном превосходстве Запада над другими цивилизациями. Западные демократии Великобритании и США оказались среди победителей во Второй мировой войне. Но их противниками были германский фашизм — порождение той же западной цивилизации, и милитаризм Японии — страны, бросившей вызов господству Запада в Юго-Восточной Азии. А союзником, вынесшем на себе основную тяжесть войны, была Россия (СССР), которую А. Тойнби к странам западной цивилизации не относил. К самостоятельной жизни пробуждался Китай, освобождалась от власти англичан Индия.

В иных условиях выступил С. Хантингтон со своей работой «Столкновение цивилизаций» (1993). Он придал новый импульс развитию теории локальной цивилизации, сделав два существенных шага в направлении ее понимания. Во-первых, он утвердил понятие цивилизации в значении коллективного субъекта истории высшего ранга (перед человечеством в целом). Согласно его концепции, произошла последовательная смена типа коллективных субъектов в роли *главных акторов мировой истории*: до Первой мировой войны это были национальные государства, в XX веке — идеологии, после распада СССР на первый план выходят цивилизации. А во-вторых, он преодолел просвещенческий объективизм, введя в определение цивилизации *субъективный фактор* — *самоидентификацию носителей данной цивилизации*. «Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации»⁹.

С. Хантингтон предрекает: «Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов». Но, несмотря на рост цивилизационного самосознания и нарастание конфликтности в отношениях между цивилизациями, тезис о неизбежности столкновения между ними может быть поставлен под сомнение. Противоречия между идеологиями были преобладающими в период существования «двух лагерей», однако прямого столкновения между ними так и не произошло. Ответственности у правящих элит хватило, чтобы в век атомного оружия этого не допустить. А в настоящее время западная, «конфуцианская», исламская (Пакистан), индуистская и «православно-славянская» цивилизации имеют такое оружие. К тому же в мире разворачиваются процессы глобализации, не всегда сводящиеся к вестернизации. Наряду с конфлик-

тами во взаимоотношениях между цивилизациями усиливается их взаимозависимость и взаимная заинтересованность друг в друге. Активизация локальных цивилизаций проявляется во всем диапазоне взаимоотношений между ними — от конфронтации до сотрудничества и взаимообогащения. И логично предположить, что в обозримом будущем не столкновения, а **конкуренция** — преимущественно в цивилизованных формах — станет доминирующим содержанием отношений между цивилизациями.

2.

Таким образом, мы отделяем теоретические основания концепции С. Хантингтона от его пессимистического прогноза. Его идеи могут быть развиты и в иных направлениях. В частности, с их помощью можно получить ответ на вопрос: *в каких ситуациях уместно говорить о европейском статусе российской цивилизации, а где необходимо настаивать на ее самобытности*. Обратимся к примеру разных уровней идентификации человека, использованного С. Хантингтоном (со ссылкой на Д. Хорвица). «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть ибо-оуэрри, либо ибо-оница. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем. А в Нью-Йорке — африканцем». Последний уровень будем здесь считать цивилизационным, имея в виду перечень ныне живущих цивилизаций, по Хантингтону: «западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская».

Зададим вопрос: кем считает себя человек имманентно, обращаясь только к самому себе? Ответ будет: никем. Он не чувствует в этом никакой необходимости, для себя он просто неопределенное бескачественное «я». Самоидентификация имеет место только относительно другого человека, который в данном качестве и на данном уровне идентифицируется иначе. Так, если человек осознает себя отцом, он сравнивает себя с мужчинами, которые не имеют детей и не могут считаться отцами. Если человек осознает себя ибо-оуэрри, он идентифицирует себя относительно ибо-оница. Причем эта самоидентификация имеет смысл только там, где сопоставление оуэрри и оница требуют обстоятельства, в частности в восточных районах Нигерии. В Лагосе этот же человек будет противопоставлять себя ибибо, хауса и другим народам Нигерии и отождествлять себя с ибо-оница в качестве ибо. А в Лондоне он будет идентифицироваться относительно англичан, пакистанцев, немцев и т.д. уже как нигериец, потому что окружающие будут видеть в нем нигерийца, а не ибо-оуэрри.

Обобщаем сказанное: **всякая самоидентификация относительна, в том числе и цивилизационная**. Очень возможно, что на вопрос, кем себя считает этот человек в смысле принадлежности к цивилизации, он ответит (если достаточно образован), что африканец. Но может ответить, что христианин (или мусульманин) или британец (считая себя принадлежащим к британскому содружеству наций), в зависимости от своего понимания цивилизации. Однако он не

назовет себя ни китайцем, ни буддистом, ни русским, словом, никем из тех, кого он определенно считает принадлежащим к иной цивилизации.

Будем называть положительной самоидентификацией, если человек, сравнивая себя с кем-то, приходит к выводу: *я — такой же, как и он, тот же самый* (например, ибо-оуэрри). Отрицательная самоидентификация, соответственно, будет означать вывод: *я — не такой, как этот человек, я — иной* (не ибо-онича). В силу относительности самоидентификация человека *совпадает* в общем случае (при неизбежных многочисленных исключениях) со встречной идентификацией и наоборот. То есть, в Нью-Йорке ибо-оуэрри считает себя африканцем именно потому, что американцы воспринимают его здесь как африканца. Заметим, что чем *дальше* точка сравнения сравнительно с минимальным расстоянием, тем *более крупные отличия* необходимы для отрицательной самоидентификации.

Сказанное верно не только для географического, но и для *любого логического пространства сравнения*. Предположим, в Энугу проводится футбольный матч на первенство Африки между сборными Нигерии и соседнего по восточной границе Камеруна. В этой встрече футболист ибо-оуэрри из нигерийской команды идентифицирует себя как *нигерийца*, потому что в логическом пространстве «первенство Африки» различимы Нигерия и Камерун, а не оуэрри и онича. А тот же игрок на матче сборных Африки и Европы, проводимом в Лагосе, считал бы себя *африканцем*, так как этого требовала бы логическая дистанция сравнения.

Используем эту аналогию применительно к самоидентификации родственных, близких и сблизившихся цивилизаций. Западноевропейская цивилизация связана с античной (греко-римской) своим происхождением. Византийское православие (и ее наследие в нынешней Греции и южно-славянских странах) имеет общие корни с западным католичеством в той же античности и выросшем из ереси иудаизма христианстве. Россия цивилизационно причастна к тем же корням через Византию, а, начиная с XVIII века, решительно открыла в Европу не только «окно», но и многие «двери». Сравнительно небольшие различия между собой этих близких цивилизаций достаточны для их взаимно-отрицательной самоидентификации: *на коротких дистанциях сравнения* они прекрасно отличают себя друг от друга. Драматическим примером такого отличия является цивилизационный, по существу, раскол христианской церкви в 1054 году на восточную (греко-православную) и западную (римско-католическую).

И опять-таки важна не пространственная близость как таковая (хотя она и может способствовать близости цивилизационной). Так, итальянцы готовы принять в свою цивилизацию католиков-хорватов, но резко отличают от себя православных сербов, а, тем более, мусульман-албанцев, хотя географически все они — соседи. А мы, находясь на гораздо большем географическом расстоянии от сербов, охотно признаем свою цивилизационную близость с ними и, безусловно, откажем в этом албанцам. А вот с хорватами вопрос сложнее. Мы и их готовы считать славянскими братьями, тем более что

они говорят с сербами на одном языке и какое-то время жили в общей стране — Югославии. Дело в том, что мы смотрим на эти народы все же с некоторого отдаления. И поэтому для нас менее существенны такие цивилизационные различия, как история, очень разная у сербов и хорватов, не раз разводившая их по разные стороны фронтов; религия и письменность (при одном языке сербы пишут родной нам кириллицей, а хорваты — латиницей). А откуда-нибудь с буддийского Непала все названные народы, заодно с русскими, видятся как едина суть — Европа.

Но если близкие цивилизации сравниваются из *отдаленной точки*, различия между ними могут стать несущественными. Наиболее очевидна в этом плане ситуация, когда само общение проходит в *пространственно отдаленной точке*, откуда Россия неразличима с Западом. И сейчас в мусульманском мире есть места, где любого человека европейского вида называют «франком», является ли он французом или англичанином, поляком или русским. Дело не в «темноте» местного населения, а в том, что с их точки зрения различия между странами христианской культуры совершенно не существенны. Но и в хорошо информированной и высоко образованной среде глав мусульманских стран на конференции в Куала-Лумпуре наша страна видится настолько западно-христианской, что В.В. Путин там заявляет, не боясь быть непонятым: Россия — мусульманская страна. Намеренно выбрав *отдаленную от Европы (христианства)* логическую точку для самоидентификации, наш президент вынудил присутствующих обратить внимание на отличие России от тех западных стран, которые не могут назвать себя «мусульманскими».

Логически отдаленная точка возникает, в частности, и тогда, когда в действие вступает фактор евроцентризма. В ментальной основе антагонистической альтернативы «Европа — Азия», («Запад — Восток», «демократия — деспотия», «прогресс — застой» и т. д.) лежит древнейший архетип «свой — чужой», который побуждал в свое время античных греков, римлян, китайцев признавать все прочие народы варварскими. При этом для греков, например, в числе «варваров» оказывались египтяне и вавилоняне, бывшие во многом учителями первых. Архетип «свой—чужой» проявлялся в сознании европейских «цивилизаторов»: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда» (Р. Киплинг). Страшный пример того, что глубинный архетип «свой—чужой» способен выйти на поверхность сознания политиков и интеллектуалов современной высококультурной нации в форме «расовой теории», а потом быть активизированным у целого народа, является германский нацизм. В наши дни стереотип «свой—чужой» явным образом проявляется в религиозном фундаментализме, воинствующем национализме, расовой ксенофобии.

Не всякая фиксация преимущества западной цивилизации относительно иной, с которой происходит сравнение в данном отношении, есть такого рода центризм. Это преимущество может иметь объективный характер и быть предметом научного исследования. «Цивилизационный центризм» — это заведомое признание **абсолютного** превосходства одной цивилизации от-

носителем всех остальных в пространстве сравнения. Суть дела не меняется, если понятие цивилизации скрыто под иными терминами: «истинная религия», «арийская раса», «избранный народ», «социалистические страны» или «демократическое сообщество».

Парадигма евроцентризма все неевропейские цивилизации искусственно сближает в аморфную «Азию» с атрибутами, **противоположными** тем, которыми характеризуется Европа. Последняя при этом априори — цивилизация, а противопоставленная ей «Азия» (логически отдаленная точка) имеет здесь значение «варварства». Поэтому все прочие цивилизации в данном пространстве оказываются «недоцивилизациями», отклонениями от цивилизованности в сторону варварства. И любой культуре или стране, попавшей в это пространство сравнения, приходится доказывать, что она — Европа («часть европейской цивилизации»).

Эту логику подметил (и подверг критике) еще полтора века назад Н.Я. Данилевский: «Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного совершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия — полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается; и всякого русского правоверного последователя современной науки дрожь пробирает при мысли о возможности быть причислену к сфере застоя и коснения. Ибо, если не Запад, так Восток; не Европа, так Азия, середины тут нет; нет Европо-Азии, нет Западо-Востока, и если бы они и были, то среднее междуумочное положение также невыносимо. Итак, как можно громче заявим, что наш край европейский, европейский, европейский, — что прогресс нам пуще жизни мил, застой пуще смерти противен, — что нет спасения вне прогрессивной, европейской, всечеловеческой цивилизации, — вне ее даже никакой цивилизации быть не может, потому что вне ее нет прогресса»¹⁰.

Современные ситуации, где России приходится доказывать свой «европеизм», могут иметь политический, идеологический, социально-психологический и даже научный контекст, если такая альтернатива вводится в само содержание науки о цивилизациях. Нашим политикам нередко приходится убеждать партнеров по диалогу: мы — такие же, как и вы; мы готовы играть по вашим правилам; вы можете нам верить, как мы хотели бы верить вам. Здесь Россия вынуждена идентифицировать себя относительно *дальней (от центра) логической точки, точки «варварства»*, откуда мы хотим выглядеть как Европа, как Запад, как «весь цивилизованный мир». Правда, и политики не всегда обязаны играть в поддавки. Они должны уметь, когда этого требуют интересы России, сказать: а мы — иные, у нас все по-другому, и вам придется с этим считаться.

У себя дома сторонникам интеграции России в современный мир приходится отстаивать принадлежность нашей страны к цивилизованной Европе в дискуссии с изоляционистами и антизападниками. В вынужденном общении с появившимися у нас последователями гитлеризма россияне, выступающие

от имени цивилизации, решительно отрицают ту «Европу» антисемитизма и расовой нетерпимости, с которой отождествляют себя неофашистские варвары (и в то же время утверждают Европу, боровшуюся с фашизмом в союзнничестве с нами). Во всех этих случаях мы идентифицируем себя относительно таких *отдаленных от цивилизационного центра точек, как изоляционизм, антизападничество, гитлеровский нацизм.*

3.

Однако в науке о цивилизациях дело обстоит существенно иным образом. Наука по своей объективистской природе склонна рассматривать предметы *в непосредственном сопоставлении друг с другом, на самой ближней дистанции сравнения*; все цивилизации при этом признаются принципиально равноправными объектами исследования. С этой точки зрения российская цивилизация выглядит как **самостоятельная, отличная от прочих локальных цивилизаций, в том числе и от европейской (западной)**. Так, по меньшей мере, полагают упомянутые авторитеты Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон; многие ученые и деятели культуры — как на Западе, так и у нас в России — выражают такую же точку зрения. Российская и европейская (западная) цивилизация сравниваются друг с другом непосредственно и в большинстве практических ситуаций. Случаи сравнения России с Европой с дальней точки («варварства»), о чем говорилось выше, являются скорее исключением, чем общим правилом.

Содержательно вопрос об «особости» российской цивилизации требует отдельного обстоятельного рассмотрения. А здесь для поддержания этого тезиса воспользуемся еще одной подсказкой С. Хантингтона. Имеется в виду такой критерий отличия данной цивилизации от иных, даже ближайших, как *самоидентификация ее носителей*. К этому необходимо добавить *встречную идентификацию со стороны носителей той цивилизации, с которой производится сопоставление данной*. Имеется огромное количество свидетельств и их обобщений, что западные европейцы отрицательно идентифицируют россиян (русских) относительно себя. «Деятели культуры Запада, — пишет О.И. Шкаратан, — Россия воспринималась как страна иного, неевропейского порядка. Так, Г. Гегель даже не включал русских в свой перечень «христианских народов Европы»¹¹. Страны Запада не воспылали чувствами цивилизационной близости к России и за XX век (так они продолжали называть и СССР, если иного не требовала формальная строгость), особенно за годы «холодной войны». Россияне отвечали им негативной взаимностью, тем более в годы, когда Запад идентифицировался с империализмом, ненависть к которому воспитывала могущественная идеологическая машина. Советский Союз четко идентифицировался как анти-Запад по обе стороны железного занавеса.

Последние два десятилетия не могли существенно изменить культурные компоненты российской цивилизации. «Культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические... В быв-

шем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратятся в бедных, а бедняки в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами... Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полу-католиком и полу-мусульманином»¹². Глубинных основ российской цивилизации не изменил существенно и весь XX век с его коммунистическим экспериментом.

А самоидентификация носителей представляет собой самый *поверхностный слой* любой цивилизации, наиболее податливый воздействию политических и экономических изменений в стране, в мире и в жизненной ситуации данного человека. И на самоидентификацию россиян, безусловно, повлияли как коммунистическая, так и антикоммунистическая революции. Но и при этом лишь незначительная часть россиян готовы считать себя принадлежащими к западной цивилизации. Безусловно отождествляют себя с Западом представители «оффшорной аристократии», о которых Владислав Сурков говорил в своем докладе, что «они видят свое будущее и будущее своих детей не в России». Однако сам Запад не торопится признать этих «аристократов» своими: для него это «новые русские», а не «новые европейцы». Но в то же время имеются россияне, которые глубоко разочарованы как в коммунистической, так и в посткоммунистической элите, не видят конца российским неурядицам, а потому надеются в условиях западной цивилизации обрести гарантии достойного существования для себя и своих детей. Кроме этих западников от безысходности есть западники по соблазну, принимающие за Запад его голливудскую витрину, а также люди, полагающие, что мы и так уже европейская страна. Все это оправдывает представления о России как о стране расколота цивилизации. Так говорит о ней С. Хантингтон, так описывают цивилизационную ситуацию в России отечественные исследователи (А.С. Ахиезер и др.).

Ближайшим образом будущее российской цивилизации зависит не только и даже не столько от ее прошлого, сколько от того, **в каком направлении решит двигать ее дальше политическая, экономическая и культурная элита** (в конечном счете это будущее зависит от выбора всего российского народа, который может сменить нынешнюю элиту). Возьмут ли наши интеллектуалы на себя труд возвышения России до уверенной конкурентоспособности среди других мировых цивилизаций? Или же, не доверяя собственным способностям, руководящая элита продолжит попытки вести страну в русле западной цивилизации — неизбежно на правах тупого и нерадивого ученика?

Согласно С. Хантингтону, для подобной смены цивилизационной идентичности необходимы три условия. «Во-первых, необходимо, чтобы политическая и экономическая элита этой страны в целом поддерживала и приветствовала этот шаг. Во-вторых, ее народ должен быть согласен, пусть неохотно, на принятие новой идентичности. В-третьих, господствующие группы той цивилизации, в которую расколота страна пытается влиться, должны быть

готовы принять «новообращенного». Второго и третьего условия для России, очевидно, нет и, скорее всего, никогда не будет. И в отличие от 1993 года, когда писалось «Столкновение цивилизаций», нынешнее российское руководство не выражает такого бездумного устремления в западное сообщество, как ельцинская команда. Поэтому наш путь «в золотой миллиард» не представляется гладкой дорогой. К тому же по ней и в самом лучшем случае сможет пройти заведомое меньшинство россиян. Остальным придется прозябать в резервациях, которые в отличие от американских (для индейцев) будут не этническими, а социально-экономическими.

Однако и стремление адаптировать российскую «самобытность» к условиям современного мира содержит значительные риски — от соблазна «заснуть на нефтяной трубе» (но на ней тоже места для всех не хватит) до духовной и социальной деградации народов России вплоть до ее исчезновения как державной целостности. Развитие самостоятельности России как страны-цивилизации и достижение ее конкурентоспособности среди мировых держав потребует от интеллектуальной элиты целеустремленности и больших усилий. Цивилизационное развитие может опираться только на реальное основание, поэтому российскую цивилизацию необходимо глубоко изучить и осмыслить, понять ее силу и слабости. Но общественная наука, как считал Г.П. Щедровицкий, дает не только знание; она призвана обеспечить качество мышления и возможности проектирования¹³. В этом отношении идея самостоятельной отечественной цивилизации имеет значительный потенциал, так как в принципе охватывает все стороны общественной жизни. И чтобы этот потенциал был реализован, российская цивилизация должна быть осознана, освоена и «оживлена» не только как действительность, но и как Проект.

Саратов

Примечания:

- ¹ Сурков Владислав. Суверенная демократия и «Единая Россия» // Стратегия России. — 2006. — №3.
- ² Ахиезер А.С. Российская цивилизация: специфика массовых решений // Философские науки. — 2004. — №6.
- ³ Шпенглер Освальд. Закат Европы. В 2-х т. — Т. 2. — М: Айрис-пресс, 2004. — С. 36. (*Курсив Н.С.*)
- ⁴ Там же. — С. 37.
- ⁵ Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории. — СПб.: «Прогресс» — «Культура», 1996. — С.24.
- ⁶ Там же. — С. 48.
- ⁷ Там же. — С. 63.
- ⁸ Там же. — С. 101.
- ⁹ Хантингтон Сэмюэль. Столкновение цивилизаций // Полис. — 1994. — №1. — С.34.
- ¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — СПб: Изд-во СПбУ, «Глаголь», 1995. — С.59.
- ¹¹ Шкаратан О. И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. — 2003. — №1.
- ¹² Хантингтон С. Там же.
- ¹³ Путеводитель по методологии Организации, Руководства и Управления: Хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. — М.: Дело, 2003. — С. 129.

ПОЛИТИКА И ЭСТЕТИКА

Заявленная тема может показаться надуманной (как и появление Густава Шпета на страницах политического журнала). Однако достаточно непредвзято оценить некоторые фигуры на российской политической сцене, некоторые акты российских политических постановок, чтобы убе-

а что правда в данном месте и в данное время. Или, проще, — что и как пристало говорить и делать в России, а что звучит в ней, в лучшем случае, диссонансом. От эстетических оценок не отделяться.

Густав Густавович Шпет (1879—1937)

даться: связь между этими двумя понятиями слишком тесная, чтобы игнорировать ее вовсе. Стил, чувство стиля — стержень эстетики — нередко подводит действующих лиц отечественной «политической элиты». В результате диалоги и мизансцены, разыгрываемые в совершенно конкретной исторической и социально-психологической ситуации, нет-нет, да и воспринимаются и «сценой», и зрительным залом как нечто, вырванное из контекста другой пьесы, как полубред и фантазмагория. Это чревато неверием в серьезность и искренность намерений, и даже взаимным охлаждением, которому не дают прорваться в скандал лишь деньги, уплаченные за вход...

Другими словами, требуется чувствовать и понимать, что фальшь,

и работал в этой сложной области «понимания». В концепции Шпета (которая в целом была оформлена в работе «Герменевтика и ее проблемы», 1918) универсальное понимание («уразумение») означает отыскание «первых начал» и «принципов» бытия, которые сам философ называл «смыслами», «идеями». Действительность, по Шпету, не просто дана в опыте, она «загадана», и обнаружение ее смысла достигается интуитивными актами разума. Причем, интуитивное «узрение сущности» полностью выражимо средствами логических определений, хотя разум изначально усматривает смыслы так же непосредственно, как и воспринимаются чувственно-данные вещи. Опосредование же — опи-

сание, доказательство, интерпретация — момент производный. Перспективы философского развития Шпет связывал с направлением, которое он называл «положительной философией». В работе «История как проблема логики» (магистерская диссертация Шпета в Московском университете, 1916) задача «положительной философии» формулируется как обоснование и оправдание действительности, признание ее изначальной, онтологической подлинности. Критерием же истинности такого «положительного» обоснования, в конечном счете, также признаются интуитивные очевидности, универсальные принципы аксиоматического типа...

«Онтологическую подлинность» действительности Густав Шпет получил возможность оценить менее чем через год после защиты. «Оправдал» ли он ее? Если судить по тому, что философ почти не занимался политической публицистикой (хотя отголоски событий революции слышны и в сугубо лингвистических его исследованиях), сосредоточившись на проблемах познания и «истолкования» (герменевтики), то — да. С 1917 года Шпет издавал ежегодник «Мысль и слово», где опубликовал ряд своих работ — «Мудрость или разум?», «Скептик и его душа». В послереволюционные годы участвовал в работе Московского лингвистического кружка, оказав немалое влияние на становление таких филологов, как Р.Якобсон и Р.Шор.

Впрочем, попытка демонстратив-

ного ухода философа от политики не была оценена советской властью. В 1921 году Густава Шпета отстранили от преподавания в Московском университете, хотя он и сохранил связи с университетскими кругами — благодаря деятельности созданного им «Этнографического кабинета». В 1922-м вышли в свет его «Очерки развития русской философии». В 1923 году Шпет возглавил Отделение философии в Российской академии художественных наук (с 1927-го — Государственная академия художественных наук).

Через шесть лет последовала «вторая волна». В 1929 году в результате очередной «чистки» философ был изгнан из ГАХН. Источником заработка — помимо пенсии — для Шпета стала литературная деятельность. Он много занимался переводами (Диккенс, Байрон, Шекспир), осуществил перевод «Феноменологии духа» Гегеля (опубликован лишь в 1959 году). 14 марта 1935-го наряду с другими бывшими сотрудниками ГАХН Шпет был арестован и приговорен (по ст.ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР) к ссылке на пять лет в Енисейск. Зимой того же года получил разрешение переехать в Томск. Но 27 октября 1937-го был арестован вновь, обвинен в принадлежности к «офицерской кадетско-монархической повстанческой организации» и 16 ноября расстрелян.

Связь политики и эстетики обнаружилась здесь еще раз — и теперь неопровержимо.

Вячеслав АНДРЕЕВ

ПРООБРАЗ ИСКУССТВА

Из «Эстетических фрагментов»

Густав ШПЕТ

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Что искусство возникает из украшения, это — не только генетический факт, это также существенная функция искусства, раз искусство, так или иначе, целиком или частично, между прочим или всецело, представляет красоту. Поэтому-то и бессмысленно, неодушевленно, бессубстанциально искусство «вообще себе». Но нельзя обращать формулу, ибо это обращение есть извращение — нельзя сказать: всякое украшение есть искусство.

Украшение — только экспрессивность красоты, т.е. жест, мимика, слезы и улыбка, но еще не мысль, не идея. Экспрессивность — вообще от избытка. Смысл, идея должны жить, т.е., во-первых, испытывать недостаток и потому, во-вторых, воплощаться, выражаться. Красота — от потребности выразить смысл. Потребность — пока она не успокоена — беспокойство, неутоленность. Творчество — беспокойная мука, пока не найдено выражение. Муки ученика — страшнее мук мастера: пока-то выражение не «удовлетворит», пока-то не выразишь волнующего. Поистине, пока оно не выражено, оно унижает сознание, издевается над разумом. Волнует простор неба, грудь женщины, величие духа — художник пишет, рисует, высекает, пока не «снял» выражение беспокойной страсти. Мастер не так мучается, как ученик, — оттого есть мастера маститые, «академики». Есть, впрочем, мастера-ученики. Но, конечно, не в том дело, что приглушается страсть и волнение, — разве маститый меньше чувствует потребность жизни, чем мальчик, — а в том, что маститый не хватается за выражение «не по силам». Инстинкт почестей — против инстинкта жизни!

Так и формула «искусство есть жизнь» — для немногих все-таки верна. Извращенный крик: жизнь — искусство! Такие обращения-извращения повторяются: жизнь есть философия, жизнь есть поэзия. Это — социально-психологический симптом. Это — признак эпохи, когда ложь дешева. Это — вопль вырождающихся. Жалкую увядающую жизнь хотят косметизировать философией, искусством, поэзией. Это называется «вносить» философию, искусство, поэзию в жизнь... Или, наглее, не отрывать их от жизни. <...>

Жизнь — искусство, «создание» из жизни искусства, жизнь даже величайшее из искусств — все это типическое декадентство. Это знал падавший древний мир, знал романтизм — падавшее христианство, это слышали недавно и мы от падавшего демократизма и натурализма — у каждого в соб-

ственном архиве найдутся напоминания. Вне декадентства «искусство жизни» — фатовство и пошлость.

Если жизнь есть искусство, то искусства нет. Ибо украшение должно быть украшением чего-нибудь, а если оно не украшает жизни, то и оно не существует, и жизнь — истязание.

Художественное создание — хотят того или не хотят декаденты — входит в жизнь как факт. С этим ничего даже и поделать нельзя. Художественное произведение, вошедши как факт в жизнь, уже и не может не быть жизнью. Хотят же другого. Хотят, чтобы то, что не может быть, перешло в то, что есть, что не может не быть. Но это и есть возвращение к неукрашенной жизни, природной, животной, — прекрасной только в некоторых редких случаях игры и безобразия природы.

Только искусство подальше от жизни, далекое, далекое ей, может быть ей, безобразной, украшением. А искусство в жизни, близкое ей, — новое в ней безобразие. Не довольно ли того, что есть? Искусство должно быть не в жизни, а к жизни, при ней, легко отстегиваемое, — отстегнул и пошел дальше — пристегнуть к другому краю... Красота — праздник, а не середина.

ПРИРОДА И КУЛЬТУРА

За искусством забывается в эстетике «природа». Но, собственно говоря, так и должно быть... Было бы не только эмпирическим противоречием говорить об эстетическом сознании эр: архейской, палеозойской, мезозойской. Культура — где-то в эре кайнозойской, когда началась аннигиляция природы. Поэтому-то «природа» должна быть окультурена, охудожествлена, прежде чем восприниматься эстетически. «Природа» должна перестать быть естественною вещью, подобно тому, как она представляется чувственному сознанию неидеальною возможностью. Коротко: «природа» приобретает всякий смысл, в том числе и эстетический, как и все на свете, только в контексте — в контексте культуры. Природа для эстетики — фикция, ибо и культура для эстетики — не реальность. Эстетика не познает, а созерцает и фантазирует. Прекрасная культура — фиктивна; фиктивная культура — эстетична. <...>

О СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ

Дилетантизм рядом с искусством — *idem* с наукою, философией — флирт рядом с любовью. Кошунственная шутка над эросом! Дряблая бесстыльность эпохи — в терпимом отношении к дилетантизму, когда дилетантизм становится бесстыден и вопреки правилам общественного приличия ведет жизнь публично открытую. По существу дилетантизм — всегда непристойность. Цинизм достигает степени издевательства, когда с деланно невинным видом вопрошает «но что такое дилетант?» Вопрос предполагает, что дилетантизм и искусство — степени одного. Тогда и флирт был бы степенью любви. Какой вздор! В искусстве есть степени: от учащегося до научившегося, до мастера. Дилетантизм — вне этих степеней; мастерство и дилетантизм — контрадикторны. *Dilettante* значит не «любящий», а развлекающийся (любовью), «сластолюбец». Поэтому также дилетантизм есть ложь. В нем то, что

неискусно, лживо выдается за то, что должно быть безыскусственно. Наконец, только философ — друг мастерства, одержимый эросом, имеет привилегию понимать все, хотя он не все умеет. Привилегия же дилетанта — даже не в том, чтобы все знать, а только — быть со всем знакомым.

Только со всем знакомый и ничего не умеющий дилетантизм мог породить самую вздорную во всемирной культуре идею синтеза искусств. Искусство — как и религия — характерно, искусство — типично, искусство — стильно, искусство — единично, искусство — индивидуально, искусство — аристократично — и вдруг «синтез»! Значит, искусство должно быть схематично, чертежно, кристаллографично? Над этим не ломает головы развлекающийся любовью к искусствам. И в самом деле, какое развлечение: на одной площадке Данте, Эсхил, Бетховен, Леонардо и Пракситель! Лучше бы: турецкий барабан, осел, Гете и сам мечтательный дилетант — но, к сожалению, не поможет, решительно не поможет...

Картина на станке, партитура на пюпитре, рукопись на письменном столе — все-таки еще не реальность. Мало ли какие бывают «случаи»: пожар, революция, плохой характер, прогрессивный паралич, злая воля — не один Гоголь жег свои рукописи. Картина идет на выставку, рукопись — в печать. Зачем? Чтобы реализоваться, осуществиться на деле.

Для искусства это и значит найти «применение», «приложение». Другой пользы из творчества красоты извлечь нельзя. Когда в публичный дом перевели из храма и дворца музыку, живопись, поэзию, когда театры из всенародного празднества превратили в ежедневно открытую кассу, искусство лишилось своего «применения». Теперешние пинакотеки, лувры, национальные музеи, вообще «третьяковки» — пошли на службу к педагогике. Как будто можно скрыть за этим безвкусице и государственное поощрение накопления в одном сарае — как вин в винных погребах — продуктов художественного творчества, не нашедших себе «применения» или, еще хуже, изъятых из «применения», «национализированных».

То же относится к томикам поэтов в публичных библиотеках и к музыке в музыкальных залах консерваторий. Везде и всюду консерватории — склады ломаного железа. Недаром они содержатся на государственный и общественный счет, вообще «содержатся». «Свободная» консерватория не просуществовала бы и пяти минут — была бы расхищена для «применения». Что бы сказали старые мастера, если бы им предложили писать картину не для храма, не для дворца, не для home — а... для музея общественного или для «частной» коллекции? Теперь пишут... Получается искусство не к месту, а «вообще себе». Нашли было путь к «применению» вновь: Рескины, Моррисы, кустари, «художественная промышленность». Но от искусства до кустарничества — расстояние примерно такое же, как от благородства до благонравия. Но сердиться здесь не на что: промышленный стиль — такая же историческая необходимость, какую некогда был стиль «мещанский»: с цветочками и стишками на голубеньких подвязочках.

В итоге, как жизненный силлогизм самого искусства заключение дилетантизма о синтезе искусств: большой публичный дом, на стенах «вообще

себе» картины, с «вообще себе» эстрад несутся звуки ораторий, симфоний, боевого марша, поэты читают стихи, актеры воспроизводят самих зрителей, синтетических фантазеров... Можно было бы ограничиться одними последними для выполнения «синтеза»: оперную залу наполнить «соответствующими» звукам «световыми эффектами»; пожалуй, еще и вне-эстетическими раздражителями, вроде запахов, осязательных, тепловых, желудочных и др. возбудителей!.. Но пьяная идея такого синтеза — в противовес вышепредложенной «площадке», — если бы была высказана, едва ли бы имела методологическое значение, а только симптоматическое — для психопатологии.

Не припоминается, кто недавно, ужаснувшись перед нелепостью «общего синтеза» искусств, заявлял, что без всякого синтеза роль синтеза выполняет поэзия. Впрочем, структурность каждого искусства, каждого художественного произведения, т.е. органичность его строения, есть признак конкретности эстетических объектов, но отнюдь не синтетичности. Структура потому только структура, что каждая ее часть есть также индивидуальная часть, а не «сторона», не «качество», вообще не субъект отвлеченной категоричности. «Синтез» поэзии имеет только то «преимущество», что он есть синтез слова, самый напряженный и самый конденсированный. Только в структуре слова налицо все конструктивные «части» эстетического предмета...

Искусство насквозь конкретно — конкретно каждое воплощение его, каждый миг его, каждое творческое мгновение. Это для дилетанта невыносимо: как же со «все» «познакомиться»?

Мастер, артист, художник, поэт — дробят. Их путь — от единичности к единственности. Долой синтезы, объединения, единства! Да здравствует разделение, дифференциация, разброд!

ПРИЗНАКИ И СТИЛИ

Наше время захотело быть орудием в руках злого гения истории и воздвигло поперек ее течения чудовищную военную плотину. Как игрушечную, смел ее напор духа и мысли — ибо, невзирая на миллионы трупов и искалеченных тел, это была война духовных, а не плотских сил, — и не оказалось народов побежденных и победителей, есть только низверженные и взнесенные. Мы — первые низверженные — взносимся выше других, быть может, девятым и последним валом европейско-всемирной истории. Ныне мы преображаемся, чтобы начать наконец — надо верить! — свой европейский Ренессанс. От нас теперь потребуется стиль. До сих пор мы только перенимали.

Сороковые годы (XIX века. — Ред.) составляют, пожалуй, последний естественный стиль. По философской задаче времени это должен был быть стиль осуществлявшегося в действительности духа — стиль прочный, обоснованный, строгий, серьезный, разумный. На деле, быт нередко принимался за действительность и вытеснял культ: демократизм и мещанство заслоняли собою духовность. Реализм духовный остался нерешенною задачею, потому что средства символизации такого реального найдены не были. Философия истории запружалась эмпирической историей. Строгая разумность замещалась распушенным благоразумием и расчетливою уютностью. Ме-

щанские революции внесли сумбур в жизнь, искусство демократизировалось, иррационализировалось и дегенерировало. С «натуралиста» Фейербаха началось алогическое беспутство в самой философии. Эстетика растряслась. Натурализм бесчинствовал. Можно говорить о разности талантов, но не о различии осуществляемых форм. Золя и Толстой, Тургенев и Флобер, Чехов и Мопассан, Шпильгаген, Зудерман, Сенкевич и опять Толстой — разница только талантов и, следовательно, чувства меры. «Крейцерову сонату», «Сентиментальное воспитание», «Une Vie» от пошлости выручает только талант, но не направление. Соответственно, эстетика натурализуется, психологизируется, этнологизируется, социологизируется, вообще занимается пустячками, «фактиками», сплетнями о происхождении и о похождениях искусств. Собственный высокий стиль эстетики стал непонятностью, потому что недостаточно понятным, иностранным, стал сам разум. Поистине вовремя начал философствование молотом классик Ницше! «Нам нужно самим стать классиками», — твердил Сезанн.

Только в России продолжала звучать, несмотря ни на что, разумная непонятность лирики Тютчева и продолжала надоедать бессмысленным умам непонятная разумность трагики Достоевского. Их роль и пути — над-исторические. Исторически реализм сороковых годов сломался вместе с Гоголем. Тютчев и Достоевский остаются обетованиями нового стиля. Ответственный подвиг принимает на себя Андрей Белый преждевременным выполнением обетования — потому что стиль может явиться только после школы.

Этот стиль должен быть наш. Всякий стиль руководится, всякий стиль направляется избранным для того, во-своевременьи, народом. Но стиль бывает только после школы. А мы школы не проходили. В этом наша культурная антиномия. Запад прошел школу, а мы только плохо учились у Запада, тогда как нам нужно пройти ту же школу, что проходил Запад. Нам учиться всегда недосуг. За азбукою мы тотчас читаем последние известия в газетах, любим последние слова, решаем последние вопросы. Будто бы дети, но на школьной скамье, мы — недоросли. Такими родились — наша антиномия — от рождения, вернее, от крещения: крестились и крестимся по-византийски, азбуку выучили болгарскую, книжки читаем немецкие, пишем книжки без стиля.

Натурализм, который приняли мы как последнее слово, был чистым эстетическим нигилизмом. По своему существу, по идее своей, натурализм — принципиальное отрицание не только стиля, но и направления. «Направление» в натурализме заменяется поучением, моралью, потому что нигилист, отрицая бесполезное творчество, никакого для себя оправдания, кроме утилитарного, придумать не в состоянии. Направление в искусстве — серьезность, нигилизм — беспечность, утилитаризм — лицемерный покров духовной праздности, деланная серьезность тунеядца, практичность варвара, цивилизованность семинариста.

Символизм явился для формальной защиты и для восстановления прав искусства. В силу оснований, прямо противоположных с натурализмом, символизм как таковой также не может иметь стиля и не может быть «направлением». Как натурализм — отрицание искусства, так символизм — существо-

ное свойство искусства. Символизм — исключительно сосредоточенное искусство, и потому символический стиль всегда искусственный стиль, а не естественный, всегда стилизация.

Символ — сопоставление порядка чувственного со сферой мыслимого, идеи, идеальности, действительного опыта (переживания) со сферой идеального, опыт осмысливающего. Искусство, в аспекте эстетики, существенно между тем и другим. Ошибочно утверждение, будто символ устанавливается непременно на основе «сходства». «Сходство» физического и духовного, чувственного и идеального — вообще весьма хитрая проблема, если под «сходством» понимать «подобие», а не просто «схождение» — с двух безусловно неподобных концов к какому-то условно одному пункту. Символ и не аллегория. Аллегория — рассудочна, «измышленна», плоскоконечна. Символ — творчески-пророчесствен и неисчерпаемо-бесконечен. Аллегория — теософична, символ — мистичен.

Хотя бы совершенно условно, символ — знак в смысле «слова» как знака других слов, прямо (или метафорически) называющих «вещь» (процесс, признак, действие). Следовательно, символ есть *sui generis suppositio*. Поэтому слово, с другого конца, есть прообраз всякого искусства. Поэтому же и его структура — исчерпывающе полна и составляет тип всякого эстетического предмета. Искусство — модус действительности, и слово — архетип этой действительности, недействительной действительности.

В итоге, символизм принципиально есть утверждение прав искусств. Исторически символизм — время всяческих реставраций и стилизаций. У нас, например, — классицизма, архаизма (славянизма), романтизма, народничества. Но нам теперь, сейчас, не реставрации нужны, а Ренессанс.

Через символизм Европа спасала себя от несерьезности, праздности, утилитарности, варварства, восточной мудрости: стилизовался сам Восток, стилизовали японцев и других варваров, даже дикарей и вообще низкорожденных, для того только, чтобы их европейски облагородить. В примитив только играли, потому что нужно было на место смешного поставить веселое, на место нелепого — умное, незабываемого Сезанна — на место позабытого Гokusая. И если в наше время уже истлели в памяти разные Альтенберги, Товоте, Шницлеры и им подобные, то разве не затем, чтобы подчеркнуть провинциальное безвкушие еще существующей способности к чтению «какого-нибудь» Рабиндраната Тагора?

В борьбе за право искусства, за «веселую науку» Европа потеряла стиль. Стиль сделался вопросом не осуществления, а только изучения. Стилизация замещала школы мастерства. Дисциплина хорошего воспитания исчезла; парикмахеры и портные заменили собою гувернера; коммивояжер вкладывал преysкурант торгового дома в обложку Готского Альманаха. Так случилось, что в эпоху техники был утерян секрет техники, не бывший, однако, секретом для веселых мастеров серьезного цеха.

Реализм также существенное свойство искусства. Требование формы исходит от содержания. Содержание без формы есть чистая страдательность. Содержание страдает формы и страдает без нее, как страдает само от себя

все отвратительное, как страдает душа «сама по себе», лишенная тела, отвратительная. Формы без содержания составляют предмет не творчества, а собирания, коллекционирования — музыканты в поэзии, напр., коллекционеры, бездомны, их домашний очаг — уют музея, они спят, едят, любят и делают прочее в магазинах старого платья. Одно содержание, без формы, есть стихия природы и души — отвратительность и ложь духовная, логическая, эстетическая в культуре, ибо и культура — рождение, преобразование и Возрождение духа — есть для природы ложь нравственная.

Реализм, если он — не реализм духа, а только природы и души, есть отвлеченный реализм, скат в «ничто» натурализма. Только дух в подлинном смысле реализуется — пусть даже материализуется, воплощается и воодушевляется, т.е. осуществляется в той же природе и душевности, но всегда возникает к реальному бытию в формах культуры. Природа просто существует, душа живет и биографствует, один дух наличествует, чтобы возникать в культуру, ждет, долготерпит, надеется, все переносит, не бесчинствует, не превозносится, не ищет своего. Христианская метафора духа — любовь. Смешно и жалко слушать, когда христиане говорят о любви: рассуждение слепого о цветах, глупого об уме, лжеца о правде, теософа о мистике, кастрата о брачных радостях. Утверждение, что любовь есть источник — и притом особенно глубокий и плодотворный — познания, творчества, красоты, так же истинно, как было бы истинно заверение, что плакучие ивы — источник полноводия озера, к которому они склоняются и в которое они роняют свои слезы. Дух — источник всяческого, в том числе и любви.

Дух — не метафизический Сезам, не жизненный эликсир, он реален не «в себе», а в признании. «В себе» он только познается, в себе он только идея. Культура, искусство — реальное осуществление, творчество. Дух создается. Без стиля и формы — он чистое и отвлеченное не-бытие. Реализм есть реализация, а не бытие. Познать реальное, узнать идею и осуществить ее — таков путь от Возрождения к стилю. Когда-то он еще будет? Наша теперь задача — только Возрождение. Потому-то нужнее теперь учитывать признаки, чем заботиться о стиле. Стиль сам придет, нечаянно, когда, быть может, устанем ждать; Дух ждать не устанет, он переждал христианство, переждет и теперешний послехристианский разброд. Но мы-то сами, конечно, уже устали. Недаром умы наших современников иссушаются восточною мудростью, недаром нас оглушает грохот теософической колесницы, катящей жестокою Кали, недаром беснуются ее поклонники, душители разума. Это — их последнее беснование. Обреченная ими жертва — искупление готового родиться нового духа. Эта жертва — дорогое для разума, но не законное его детище — европейская метафизика. Ей будет сооружена гробница в новом стиле, ее соорудит возрожденный разум — в законных уже формах реализации духа. Новый реализм, реализм выраженный, а не реализм быта, будет выражением того, что есть, а не того, что случается и бывает, того, что действительно есть, а не того, что кажется.

Сегодня мы публикуем одну из первых работ, поступивших на конкурс интеллектуальных проектов «Держава». Условия и сроки проведения конкурса были опубликованы в № 5 нашего журнала. Напоминаем основные положения: на конкурс посылаются (по электронной почте) работы отдельных авторов и авторских коллективов, оформленные в виде статей или тезисов, объемом не более 30 тысяч знаков. Материалы принимаются до 1 октября 2006 года. Наш адрес — offis@fondedin.ru.

РУКАМИ ТРОГАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Ирина ТИМАШЕВА

*Заведующая библиотекой
Самарского областного историко-краеведческого музея
им. П.В. Алабина*

Музеи принадлежат всем. Концепция «доступа людей с ограниченными возможностями» получила одобрение во всем мире. На своей Генеральной конференции Международный совет музеев (ИКОМ) рекомендовал предпринять активные шаги для обеспечения максимальной доступности коллекций и разработки соответствующим образом адаптированных программ. Что мы имеем сегодня? Практически во всех музеях препятствием для посещающих их инвалидов остаются лестницы.

Однако наиболее трудноразрешимой проблемой, на мой взгляд, является **обслуживание незрячих и слабовидящих посетителей**. Необходимо создание методики и комплекса специальных инструментальных средств, помогающих незрячим или слабовидящим облегчить их взаимодействие с искусственной средой. Именно поэтому даже единичные мероприятия музеев, ориентированные на людей с подобными физическими недостатками, крайне редки, не говоря уже о совместных действиях регионального и все-российского масштаба.

В ноябре 2001 года **впервые** в российской практике в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина открылась не совсем обычная выставка. Само название говорило о ее сути: «**Руками трогать — обязательно!**». Главными посетителями выставки стали люди, имеющие проблемы со зрением. **Данный проект имеет четкую социальную и возрастную ориентацию и рассчитан на незрячих или слабовидящих посетителей.**

Идея создания такой выставки родилась далеко не сразу. В 1998 году, на конференции в одном из российских художественных музеев, мне довелось наблюдать следующую картину: в экспозиционном зале мама пыталась объяснить дочери, что именно изображено на одной из скульптурных композиций. Девочка была в очках с толстыми линзами, но, судя по ее вопросам, видела очень плохо. Необходимо отметить, что скульптурные композиции не были закрыты стеклом, поэтому девочка приняла единственно возможное решение: она протянула руку и попробовала «посмотреть» тактильным способом. Естественно, тут же появился смотритель: «Руками ничего не трогать!»

Это заставило меня задуматься, и при дальнейшем обсуждении с коллегами возникла идея проекта выставки для незрячих и слабовидящих посетителей. **Была поставлена цель: организовать музейную экспозицию, которая позволяет людям, лишенным возможности видеть, не имеющим представления о внешних формах, конструкциях и объемах предметов, частично восполнить этот пробел информацией, получаемой через другие органы чувств.**

Тематика экспозиции была определена при обращении к потенциальным посетителям — в Самарское отделение Всероссийского общества слепых (ВОС). Здесь нам подсказали, что особые трудности возникают при оценке пространственных связей и отношений между предметами, при оперировании приемами сравнения, систематизации знаний и классификации предметов и явлений. По этой причине формирование знаний об архитектуре и градостроительстве требует специально организованной деятельности детей, включающей развитие процессов анализа, идентификации с использованием речи.

В 2000 году Департамент культуры Администрации Самарской области объявил конкурс проектов на социально-творческий заказ. Группа сотрудников Самарского областного историко-краеведческого музея выиграла в этом конкурсе грант на создание выставки «Руками трогать — обязательно!».

На выставке незрячий или слабовидящий посетитель имеет возможность тактильным методом (прикасаясь руками) ознакомиться с материалом, из которого различные народности строят свои дома. Изготовленный набор макетов выставки охватывает период от сооружений древнего человека до «дома будущего», а географически — по климатическим зонам: **пещера древнего человека, жилище эскимосов «иглу», «дом на сваях», кибитка цыган-кочевников, казахская юрта, украинская хата, северная русская изба, многоквартирный современный дом, «дом будущего».**

Все макеты выполнены из натуральных материалов: из глины, дерева, мха, соломы, кости. Они разбираются, и незрячий или слабовидящий ребенок может «проникнуть внутрь» макетов для того, чтобы получить представление о расположении помещений и предметов быта. Для усиления эмоционального и информационного восприятия в рамках проекта была выполнена аудиозапись путеводителя по экспозиции. Тема путешествия по жилищу эс-

кимосов **«Иглу»** сопровождается скрипом снега, завыванием выюги, лаем собак. Знакомство с **«Домом на сваях»** — звуками дождя, всплесками воды и хлопанием крыльев водоплавающих птиц.

Помимо «натуральных» звуков, посетителя сопровождает голос экскурсовода, чтобы помочь сориентироваться и вовремя перейти от одного экспоната к другому. Аудиоэкскурсия напоминает несколько забытый, но такой любимый в детстве «театр у микрофона». В записи аудиоэкскурсии принимали участие ведущие актеры Самарского театра драмы и Самарского театра юного зрителя. В завершение посещения выставки дети приглашаются в интерактивную зону, где предлагаются всевозможные «строительные» материалы: кубики, конструкторы, фигурки животных и людей, машины. После того, как дети «посмотрели» различные жилища народов мира, им предоставляется возможность самим построить такой дом, в котором они хотели бы жить. Этот момент посещения выставки вызывает у детей очень большой интерес, так как предполагает свободное творчество и элементы игры.

В 2001 году был объявлен конкурс на присуждение **Грантов Президента Российской Федерации** для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства. Дирекция музея решила подать заявку на реализацию проекта выставки для незрячих посетителей **«Архитектура Самары на кончиках пальцев»**. О том, что творческая группа сотрудников музея им. П.В. Алабина выиграла Грант Президента РФ, мы узнали в декабре 2003 года.

Необходимость создания экспозиции, посвященной Самаре, была продиктована отзывами посетителей первой выставки «Руками трогать — обязательно!». Одна из самых больших проблем, с которой сталкиваются незрячие или слабовидящие люди — передвижение к наиболее важным местам, связанным с образованием, работой, проведением досуга. Такую информацию могут предоставлять масштабные макеты и рельефные карты частей города. Создание подобных макетов и карт, обучение правилам их интерпретации — сложная, но актуальная задача для поддержки незрячих в больших городах.

Концепция новой выставки подразумевала создание импровизированной улицы, своеобразного архитектурного музея под открытым небом, где разместились бы особняки, общественные здания, постройки религиозного назначения, отражающие многонациональный состав населения Самарской губернии.

При создании макетов для первой выставки были допустимы элементы приблизительности, так как акцент был сделан именно на **материале и внешних формах**. Когда же мы приступили к созданию макетов самарских зданий, приблизительность стала восприниматься как явление совершенно недопустимое. Поэтому следует отметить абсолютную точность размеров, соблюдаемую при изготовлении макетов. Все макеты выполнены в масштабе 1:50. Прежде чем приступить к работе над ними, разыскали чертежи и планы зданий в архивах.

Все макеты выставки размещены на вращающихся подиумах. Такая конструкция позволяет незрячему посетителю тактильным методом ознакомиться со всеми фасадами представленного здания, которые в реальности часто застроены другими и являются физически недоступными. После того, как выставка была открыта, неоднократно даже те посетители, которые не имеют проблем со зрением и могут рассмотреть здания в их естественной среде, высказывали слова благодарности именно за то, что впервые они имеют возможность ознакомиться с внутренними фасадами зданий.

Проект стал еще одним шагом на пути преодоления затруднения слабовидящих и незрячих людей в понимании окружающей их искусственной среды. Реализация данного проекта в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина позволяет содействовать полноценной социальной интеграции людей с ограниченными возможностями в современное общество. Проект предполагает создание на базе музея экспериментальной образовательной площадки, на которой будет разработан комплекс средств по беспрепятственному доступу слабовидящих и незрячих людей к понятиям и ценностям в области культуры и искусства.

На этом работа не завершена. В данный момент творческая группа Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина готовит выставку **«Мир на ладони»**, на которой будут представлены макеты шедевров мировой архитектуры. Незрячие и слабовидящие посетители смогут совершить тактильную экскурсию в разные страны, познакомиться с творениями великих архитекторов прошлого и настоящего. К сожалению, это — единственная возможность для них «увидеть» мир во всем его архитектурном великолепии. Поэтому наша задача — сделать так, чтобы современный российский музей стал территорией равных возможностей для всех категорий посетителей.

Самара

ЗАПИСКИ ПОЛИТОЛОГА

Вячеслав НИКОНОВ

Код политики. —

М.: Вагриус — 2006.

Книга В.А. Никонова «Код политики» могла бы — по-хорошему — называться «Записки политолога». Во-первых, потому, что это действительно записки на темы российской и международной политики и политической истории, записки, которые автор вел на протяжении последних пятнадцати лет. Они, конечно, не претендуют на исчерпывающую полноту и законченность, хотя их тематический диапазон весьма широк — от теории власти и государства в различных его формах до оценок современной политической системы России, международных отношений и проблем политического анализа и прогноза.

Автор акцентировал те вопросы, которые посчитал наиболее характерными и примечательными. Получился своего рода дневник наблюдений за политической действительностью, дневник размышлений, порой парадоксальных и разрозненных, многие из которых к тому же не завершены. Или, сказать иначе, завершаются многоточием и пробелом, предполагающим «ответный ход» со стороны заинтересованного читателя...

Во-вторых, название «Записки политолога» продолжило бы линию русской литературно-публицистической традиции, в которой есть не только «Записки охотника» и «Письма русского офицера». Ряд этот мог быть с успехом дополнен, тем более, что серьезность исследований Вячеслава Никонова не подлежит сомнению. И я не исключаю, что автор чувствовал на своей руке прикосновение Петра Чаадаева, который, кстати, в свое время составил свой «дневник наблюдений», разнообразный по тематике и не менее глубокий и откровенный, чем знаменитое «Философическое письмо».

Впрочем, Вячеслав Никонов «перехитрил всех» — критиков и рецензентов в первую очередь. «Код политики» — заголовок-трюк, крючок, на который ловится читатель, угадывающий элегантный отсыл к нашумевшей истории Дэна Брауна, но получающий из рук автора вовсе не код для дешифровки запутанных политических и идеологических проблем и не ключ, а побуждение самостоятельного поиска кодов и ключей.

«Хитрость» еще и в том, что язык записок обманчив, поскольку афористичен. Афоризм — вещь, вообще говоря, опасная, тем более в наше «потребительское» время, когда люди полюбили fast food, в том числе и интеллектуальный. А это при «благоприятных условиях» может отбить желание и способность мыслить вообще. Но в «Коде политики» есть свой фокус, который позволяет надеяться, что с его читателем этого не произойдет. Фокус в том,

что страница за страницей Никонов «строит» политологию на наших глазах. Думаю, острые замечания соседствуют в книге с откровенными трюизмами намеренно. Это оправдано хотя бы тем, что и высшая математика базируется, в конце концов, на общеизвестном постулате «дважды два — четыре».

На мой взгляд, отдавая книгу в печать, Вячеслав Никонов предпринял долгожданный, необходимый, хотя и несколько рискованный шаг: сделать, наконец, политику доступной пониманию обычных людей, шарахающихся от терминов типа «ставка рефинансирования» и других политико-бюрократических неологизмов эпохи реформ. Пожалуй, впервые в практике российского книгоиздания работа серьезного политолога оказалась предназначена — о, ужас! — для массового читателя. Для обывателя и любителя сканвордов. Это в полном смысле слова популярная политология — и я почти не сомневаюсь, что издание станет таковым и на книжном рынке. В том числе потому, что главный дидактический прием — «от простого к сложному» — применяется Вячеславом Никоновым со знанием дела. В результате «сканвордисты», сами того не ожидая, ступенька за ступенькой поднимаются на верхние этажи большой российской политики. На те этажи осмысления современных политических процессов, где мало кто из них бывал прежде, и откуда хода назад — уже нет. Поднимаются над собой.

По существу, в «Коде политики» Никонов не делает открытий, — но он сводит доступные и в целом очевидные вещи в систему, создает координатную сетку, внутри которой многое, казавшееся запутанным или случайным, вдруг обретает место и ясный смысл. Оказывается, что — образно говоря — из букв (знакомых еще со школьных прописей) складываются слова, из них фразы и главы, которые в итоге дают многообразную и цельную картину российской политической жизни.

Впрочем, у автора нет ни окончательных выводов, ни вердиктов. И общая картина лишь проступает очертаниями сквозь беглые характерные наброски, побуждая каждого искать свои продолжения, а часто и спорить с предлагаемыми решениями и подходами. В этом смысле книга Вячеслава Никонова, отметившего в этом месяце свое пятидесятилетие, не закончена. Да и не может быть закончена, пока не закончены наши общие думы о России, о ее месте и роли в истории и современной политике.

Андрей ПАПУШИН

Фонд «Единство во имя России» создан в июне 2003 г. ведущими научными и аналитическими центрами страны	В состав учредителей Фонда входят: Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Московская государственная юридическая академия, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Фонд «Российский общественно-политический центр», Фонд «Политика», Фонд развития парламентаризма в России.
Попечительский совет Фонда	Юрий Лужков, Борис Грызлов, Валерий Богомолов, Александр Жуков, Олег Кутафин.
Председатель правления Фонда	Александр Владиславлев – член Генерального совета партии «Единая Россия»; заместители: Владимир Плигин – председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству; Вячеслав Никонов – президент Фонда «Политика».
Президент Фонда	Вячеслав Никонов
Основные задачи Фонда	Интеллектуальная мобилизация. Развитие лучших традиций отечественной общественно-политической мысли. Политическое согласие. Содействие сотрудничеству политических партий России, всех конструктивных сил в достижении общенациональных целей. Создание условий для свободного обмена мнениями российских и зарубежных политиков, ученых, бизнесменов, дипломатов, журналистов, представляющих весь политический спектр. Разработка политических решений, способных обеспечить России достойное место в постиндустриальном обществе XXI века. Национальное единение. Развитие просветительских программ, направленных на повышение политической культуры, достижение общественного согласия.
Основные направления деятельности Фонда	<ul style="list-style-type: none">– Подготовка предложений президенту, правительству, Федеральному Собранию, партии «Единая Россия» по вопросам внутренней и внешней политики.– Организация исследований по стратегическим направлениям российской политики.– Проведение научных разработок в области развития многопартийности и совершенствования партийно-политической системы.– Проведение научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов», в том числе международных, по ключевым социально-экономическим и политическим проблемам.– Поощрение интеллектуального сотрудничества и поддержка творческой инициативы.

Адрес Фонда: 119285, г.Москва, Мосфильмовская ул., 40.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ СОВЕТ ФОНДА «ЕДИНСТВО ВО ИМЯ РОССИИ»

Арбатов Алексей Георгиевич	Лазуткин Валентин Валентинович
Беспалов Александр Дмитриевич	Липицкий Василий Семенович
Бородин Андрей Фридрихович	Ломакин-Румянцев Илья Вадимович
Бунин Игорь Михайлович	Марков Сергей Александрович
Васькин Евгений Васильевич	Михайлов Николай Васильевич
Владиславлев Александр Павлович	Мндоянц Сергей Ашотович
Гельман Марат Александрович	Некипелов Александр Дмитриевич
Генералов Сергей Владимирович	Никонов Вячеслав Алексеевич
Григорьев Леонид Маркович	Никитин Виктор Александрович
Гринберг Руслан Семенович	Оганесян Армен Гарникович
Дмитриева Татьяна Борисовна	Ослон Александр Анатольевич
Дынкин Александр Александрович	Очирова Александра Васильевна
Жуков Александр Дмитриевич	Пивоваров Юрий Сергеевич
Егоров Владимир Константинович	Познер Владимир Владимирович
Задорнов Михаил Михайлович	Пушков Алексей Константинович
Ивахник Алексей Григорьевич	Рыжков Владимир Александрович
Казаков Александр Иванович	Садовничий Виктор Антонович
Караганов Сергей Александрович	Соломонов Юрий Семенович
Кокошин Андрей Афанасьевич	Сысуев Олег Николаевич
Косачев Константин Иосифович	Торкунов Анатолий Васильевич
Кувалдин Виктор Борисович	Третьяков Виталий Товиевич
Кузин Олег Сергеевич	Урнов Марк Юрьевич
Куликов Николай Васильевич	Федоров Николай Васильевич
Кутафин Олег Емельянович	Швецова Людмила Ивановна

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Ежемесячный журнал

№6 (30)

июнь 2006

Технический директор А.Першин • Референт Н.Ярчук • Корректор Е.Громова •
Подписано в печать 16.06.2006 • Тираж 2000 экз. • Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Известия» • 127994, Москва, Пушкинская пл., 5 • Заказ №